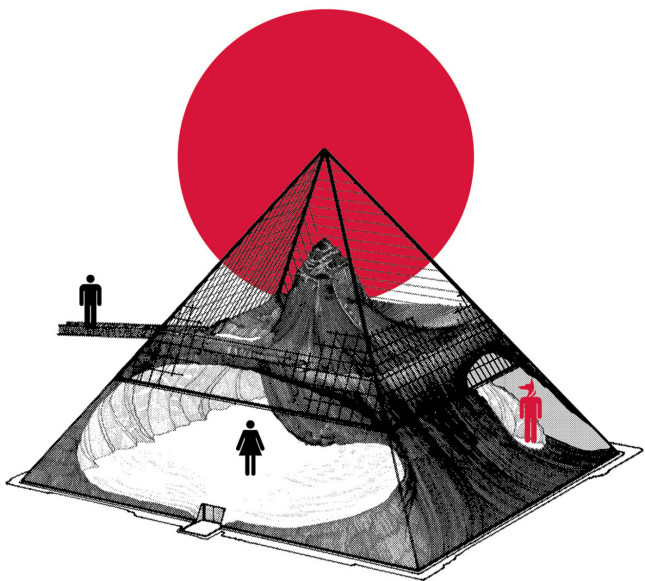

本格 СОДЗИ СИМАДА

ХРУСТАЛЬНАЯ ПИРАМИДА

Содзи Симада
Хрустальная пирамида
Серия «Киёси Митарай», книга 5
Серия «Хонкаку-детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70317640
Хрустальная пирамида: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-196608-9

Аннотация

ПРОДОЛЖЕНИЕ КУЛЬТОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЗАГАДКИ «ТОКИЙСКИЙ ЗОДИАК».

УНИКАЛЬНАЯ ГОЛОВЛОМКА, СВЯЗЫВАЮЩАЯ XX ВЕК С ДРЕВНЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ.

На крохотном островке у самого побережья Луизианы стоит странная 30-метровая каменная башня. На седьмом, самом верхнем ее этаже 15 августа 1986 года обнаружили мертвым очень известного человека, члена богатейшего клана Америки. Он... захлебнулся морской водой. Едва не выпавшие из орбит глаза свидетельствовали: в момент смерти покойник испытал жуткий испуг. А тело осталось в такой позе, будто он изо всех сил плыл кролем.

Вход в башню закрывала массивная, плотно прилегающая сейфовая дверь, запертая изнутри. Иным путем в глухое строение

попасть никто не смог бы. Кроме того, несколько человек с утра до вечера непрерывно наблюдали за башней и окрестностями и не заметили ровным счетом ничего подозрительного. Да, и погода была ясная.

В Америке нет никого, кто смог бы разгадать тайну этой невозможной, сверхъестественной смерти. Но на другой стороне Тихого океана живет гениальный сыщик Киёси Митарай, способный найти разгадку за несколько дней...

«Ничто никогда не озадачивало американскую полицию так, как эта смерть в августе 1986 года и необъяснимое место обнаружения трупа... А еще накануне возле башни видели странное существо с торчащими как у волка ушами, большими круглыми глазами и ртом, разрезающим щеки от уха до уха. Чудовище, видимо, поздно ночью появилось из моря». – *Кадзуми Исиока*

«Бог Загадки» – так называют Содзи Симаду в Японии.

Обладатель литературной премии № 1 в Японии – «Японской детективной литературы».

Член элитной группы японских писателей Red Circle Authors.

Несколько десятков миллионов книг, проданных в одной только Азии.

«Великий Содзи Симада буквально изобрел целый поджанр "логической загадки"...» – *The Guardian*

«Симада умеет сочетать совершенно фантастические преступления с логичными и прозрачными решениями этих загадок – и способен завести в тупик самого проникательного читателя». – *Publishers Weekly*

Содержание

Бич-Пойнт, Америка – 1	7
Иджипт-Айленд, Америка – 2	14
Австралия	18
Мардху, Египет – 1	19
На Корабле – 1	31
Мардху, Египет – 2	40
На Корабле – 2	47
Нил, Египет – 3	63
На Корабле – 3	74
Гиза, Египет – 4	92
На Корабле – 4	122
Гиза, Египет – 5	133
На Корабле – 5	147
Львиная Скала, Египет – 6	158
На Корабле – 6	167
Конец ознакомительного фрагмента.	171

Содзи Симада

Хрустальная пирамида

Suisho no piramiddo © 1994 Soji Shimada.

All rights reserved. First published in 1994 by Kodansha Ltd.,

Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

© 1994 Soji Shimada. All rights reserved. First published in 1994 by Kodansha Ltd., Tokyo. Publication rights for this Russian edition arranged through Kodansha Ltd., Tokyo

© Перевод с япон. яз., А.В. Кривцов, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2024

* * *

СОДЗИ СИМАДА

**ХРУСТАЛЬНАЯ
ПИРАМИДА**

Бич-Пойнт, Америка – 1

По мере того как дорога приближалась к морю, погода вселяла все меньше энтузиазма. Дело шло к закату, и окрестности за окном «Кадиллака Флитвуд Элеганс», покрытые пасмурной пеленой, помрачнели.

– Сейчас точно дождище хлынет.

Как только Билл, сидевший за рулем, произнес эти слова, по широкому ветровому стеклу застучали крупные капли. Дождь на глазах усиливался.

– Просто жуть! – Включив дворники, он отхлебнул пива. – Будем петь и веселиться под дождем! Закрой окно, Джуди, в машину нальет.

Потом он громко запел. Сидящая рядом Джуди присоединилась к нему.

– Как жарко! – почти прокричала она.

Дождь снаружи барабанил так громко, что разговаривать, не повышая голоса, не получалось.

– Духота какая, прямо как в бане... Но все-таки лучше, чем мокнуть под дождем, согласна?

– Включи кондиционер.

– Прости, Джуди, но кондиционер в этой машине сломан. Поэтому жадина-отец мне ее и одолжил. При условии, что я почию кондиционер не позже, чем через три дня.

Джуди взвизгнула – через слегка приоткрытое окно с си-

лой влетели крупные капли.

– Ой, я вся промокла!

– Только не испорти кожаные сиденья, отцовскую гордость.

– Даже если дождь их не достанет, они скоро пропитаются нашим потом... Билл, сколько еще ты собираешься сидеть в этой духовке? Давай куда-нибудь заедем, отдохнем.

– Вечер пятницы, Джуди. Мотели во всем Новом Орлеане забиты под завязку.

– И по всей Америке тоже.

– Ага, никому и в голову не приходит заняться чем-то другим... Без упорного труда японцев не победить. Вот и разгоняют печаль в постели.

– Я кое-что придумала, Билл; давай развлечемся совсем по-другому.

– Как по-другому? Снова играть в бридж с твоей толстой-матерью неохота.

– Нет, гораздо веселее; вон там поверни налево. Эта дорога должна вывести к скалам на берегу.

– Эй, что ты собираешься делать в такой дождь на берегу?

– Тебе не жарко? Я промокла до белья. А там есть безлюдные местечки... Солнце скоро зайдет, давай поплаваем в Мексиканском заливе.

Билл некоторое время ехал с удивленным выражением на лице.

– Да, пожалуй, все равно уже под дождем промокли... Так

давай действительно поплаваем. А купальник у тебя есть?

– Зачем он нужен! – ответила Джуди весело. – Плавать ведь хотим мы, а не наши купальники.

Билл осторожно вел машину к берегу по узкой дорожке, выходящей между скал. Когда они добрались до места, откуда наконец перед их глазами предстала гладь моря, он нашел поросшую травой площадку, где мог поместиться их «Кадиллак», и с трудом заехал на нее задним ходом. Ведь под проливным дождем и при заходящем солнце видно было очень плохо.

Остановив машину и выключив двигатель, они больше ни секунды не могли оставаться внутри и с радостными криками выскочили наружу, распахнув обе двери. Запереть их уже не хватило терпения. С воплями они спустились по скалистой тропинке к прохладным волнам Мексиканского залива. Под проливным дождем гавайская рубашка Билла и футболка Джуди моментально прилипли к телу, обрезанные выше колен одинаковые джинсы заметно потяжелели.

Они спрыгнули с большой скалы на песок, по которому лупил дождь, – сначала Джуди, за ней Билл. Здесь уже началась линия прибоя. Пахло дождем и морем.

– Давай, Билл, сюда! – крикнула Джуди и побежала дальше. Забежав под скалу, нависшую козырьком над пляжем, она с ходу плюхнулась задницей на оставшийся только здесь сухим песок. – Ну как? Правда, здесь здорово? Повсюду отвесные стены из скал, а тут чудесный персональный пляжик!

Говоря это, Джуди стянула с себя и выжала футболку, а потом энергично вытерла ею лицо и волосы. Билл тоже снял гавайскую рубашку и последовал ее примеру. Молодая грудь Джуди обнажилась, но в темноте ее было плохо видно. Они торопливо обнялись и поцеловались.

– Действительно, отличное место, Джуди. Как будто специально создано, чтобы заниматься этим... Только с кем это ты здесь бывала?

– Не ревнуй, Билл. Скрывать не буду, – сказала Джуди, оставаясь в объятиях любимого. – Первые буквы – Б.Т.

– Б.Т.? Парень из школы? Или коллега по офису?

– Отпусти, хочу поплавать, – сказала Джуди.

– После того как ответишь.

Но она вырвалась из его рук, вышла из-под скалы и под дождем направилась к волнам. Приостановилась, сняла джинсы и трусы и бросила их в сторону Билла.

– Бетти Томпсон, подруга по отряду герлскаутов!

Прокричав это, она нырнула в море. Билл тоже быстро снял одежду, сложил ее на сухом песке и последовал за Джуди.

Под проливным дождем они проплавали почти полчаса. Их еще недавно раскаленные тела за это время остыли до дрожи. К тому же и солнце совсем зашло.

Ливень сменился мелким дождиком, но небо все так же покрывали плотные тучи, так что звезд не было видно. Шоссе проходило далеко, и отблеск фар сюда не доставал. Одна-

ко в небе слегка отражались огни недалеких пригородов Нового Орлеана, и в этом неверном свете можно было немного оглядеться.

– Что-то холодно стало, – прокричала Джуди. – Вылезая, надо обсохнуть.

Аккуратно обходя выступающие кое-где камни, она медленно выходила из моря. На ней не было одежды, но видеть это мог только один Билл. Джуди шла, внимательно глядя в темноте себе под ноги, но когда вода стала ей ниже коленей, подняла голову. Билл все еще оставался у нее за спиной в темной воде.

Сначала она подумала, что это черный камень. Не было заметно, чтобы он хоть немного двигался. Но для камня слишком стройные очертания, а главное, Джуди почувствовала то особое беспокойство, которое вызывает только направленный на тебя человеческий взгляд. Шаги ее стали неуверенными, и наконец она отчаянно закричала.

Торчавший из воды предмет, который она приняла за камень, сделал небольшое движение. Все-таки человек!

Однако не похоже на человека. Время проходило, а она все не могла понять, что это за существо. Его лицо, или то, что должно было быть на месте лица, повернулось в сторону огней Нового Орлеана.

Это не было человеческим лицом. Цвет кожи как у белого человека, но на верхней части головы нет волос, а ото лба назад шла глубокая борозда. Лоб узкий. Прямо под ним

темные углубления, выглядевшие, как глаза. Глаза большие, круглые, и, если они действительно были глазами, казалось, что они широко открыты и рассматривают тело Джуди.

Носа в обычном смысле этого слова не было. Отсутствовала переносица, нижняя часть лица сильно выдавалась вперед, как у волка, а на том месте, где должен быть нос, чернела большая дыра.

Ниже носа было нечто вроде рта. Но он еще больше отличался от человеческого. Щель между тонких губ подобно глубокой ране пересекала щеки и доходила до ушей. Но и ушей, похожих на человеческие, тоже как будто не было. Два куска плоти, похожие на человеческие уши, обожженные в пожаре, свисали, едва держась на коже, зато вместо них торчали, достигая верхушки головы, крупные уши, как у собаки. Всем своим обликом, не считая ушей, он напоминал крокодила с белой кожей. Вертикально стоящего крокодила.

Голову поддерживала толстая шея, ниже было белое тело, очень похожее на человеческое. Тело было мужское, но все его, словно прилипшие водоросли, густо покрывали черные волосы, мокрые от дождя и морской воды.

Это чудовище стояло в море под дождем и пристально разглядывало обнаженное тело Джуди.

Она продолжала кричать.

Со стороны моря послышался плеск воды – это Билл быстро плыл к берегу.

– Джуди, что случилось? – громко окликнул он.

Чудовище, подергиваясь, зашевелилось. Округлило спину, но потом снова распрямилось, раскрыло свой рот от уха и до уха и издало звук, похожий на скрип шестеренок. Стали видны ряды острых, как зубья пилы, белых зубов. У Джуди волосы по всему телу стали дыбом.

Чудовище с плеском бросилось в море. Джуди увидела на его спине что-то похожее на черный плавник.

С удивительной мощью разрезая воду, чудовище еще некоторое время плыло по поверхности, а потом нырнуло в глубину. Вода успокоилась, и не осталось ничего, что говорило бы о его присутствии. Насколько хватало взгляда, расстилалась тихая морская гладь, на которую продолжал лить небольшой дождь. Можно было подумать, что виденное только что ею – всего лишь ужасный кошмар.

Тишину нарушил плеск воды от шагов Билла.

– Что произошло, Джуди?

Не зная, как объяснить, девушка неподвижно стояла. Даже она сама не могла в это поверить. Наконец поняла, что больше не кричит. Но все тело ее дрожало, будто охваченное страшным холодом. Джуди и правда сильно продрогла. Дрожь никак не утихала. Из глаз неудержимо текли слезы.

Иджипт-Айленд, Америка – 2

Через четыре дня после этого, 15 августа 1986 года, на далеко выдающемся в Мексиканский залив мысе Бич-Пойнт был обнаружен труп одного известного американца.

Обнаружили его на скалистом островке, торчащем из моря прямо напротив оконечности Бич-Пойнт. На этом непрерывно омываемом волнами Мексиканского залива крохотном островке диаметром всего пятьсот метров стоит странная каменная башня высотой немногим больше тридцати метров. На самом верхнем, седьмом этаже этого сооружения и был обнаружен мертвый человек, принадлежащий к одному из богатейших промышленных кланов Америки.

Примчавшиеся по вызову на рассвете 16 августа Декстер Гордон из полицейского управления Нового Орлеана и Нельсон Макфарен из ФБР, увидев труп, не могли скрыть удивления.

Верхняя часть тела покойного была неестественно вывернута, правая рука вытянута вперед, левая – назад, как будто он только что плыл кролем.

Поражали его глаза. Они были широко открыты, чуть не выпадая из орбит, белки налиты кровью. Это выглядело так, будто покойник был чем-то смертельно напуган, и этот ужас навсегда застыл на его мертвом лице.

Выяснили, что он захлебнулся. Умер от того, что был по-

лон морской воды, которая находилась на тридцать метров ниже места, где его обнаружили.

Ничто никогда не озадачивало американскую полицию так, как эта смерть в августе 1986 года и необъяснимое место обнаружения трупа. Вход в башню, на верхнем этаже которой обнаружили тело, был закрыт надежной железной дверью. Дверь открывалась вовнутрь и в закрытом виде плотно прилегала к металлической раме, так что между ними невозможно было просунуть даже нитку. Между дверью и рамой по всему периметру стоял резиновый уплотнитель.

В двери отсутствовало отверстие для ключа. Вверху и внизу двери установлены два засова. Дверь открывалась горизонтальным перемещением засовов. К тому же имелся еще вертикальный засов, отодвинуть который можно было только изнутри. Манипулировать им снаружи с помощью веревки или проволоки – невозможно. Да и нигде рядом с дверью не было щели, через которую их можно было бы просунуть.

В комнате, поодаль от двери, виднелись два небольших вентиляционных отверстия, но их, естественно, надежно закрывали крепкие металлические решетки, и, сверх того, со стороны комнаты к ним были привинчены стальные рамы с противомоскитной сеткой. Через нее тоже невозможно просунуть даже нитку. В комнате не было ни водопровода, ни канализации.

Помимо этого, в комнате имелось еще одно маленькое ок-

но, но его закрывало толстое стекло, армированное стальной проволокой. К тому же располагалось оно на значительном расстоянии от металлической лестницы, спиралью охватывающей внешние стены башни, и поэтому производить через него какие-нибудь манипуляции было невозможно.

Неясным оставалось, почему комната была закрыта. Покойный захлебнулся. Это не могло быть самоубийством. Для чего тогда понадобилось закрывать комнату?

Далее, если вся эта история с запертой комнатой – дело рук преступника, каким образом он ухитрился задвинуть оба засова на двери?

Есть и другие загадки, связанные с этим происшествием. В десять часов утра 15-го числа три человека слышали раздававшийся из комнаты голос пострадавшего: «Голова раскалывается, дайте мне еще немного поспать!» С этого времени и до вечера, когда был обнаружен труп утопленника, несколько человек непрерывно наблюдали за этой комнатой наверху башни. Никто подозрительный к башне не приближался, и, насколько можно было судить снаружи, в комнате на верхнем этаже ничего подозрительного не происходило.

15 августа с самого утра стояла отличная погода. Как могло случиться, что в такой вот день в закрытой комнате, расположенной на большой высоте, утонул человек?

А еще накануне возле башни видели странное существо с торчащими как у волка ушами, большими круглыми глазами и ртом, разрезающим щеки от уха до уха. Чудовище,

ВИДИМО, ПОЗДНО НОЧЬЮ ПОЯВИЛОСЬ ИЗ МОРЯ.

Австралия

В марте 1984 года в четырехстах километрах на юго-запад от находящегося на восточном берегу Австралии города Брисбен среди бескрайней пустыни был обнаружен сгоревший дотла «Форд Мустанг».

«Форд» принадлежал брисбенской компании по прокату автомобилей «Гертц». Случилось это в продуваемой пыльным ветром дикой местности с торчащими кое-где кустами, вдалеке от шоссе, поэтому автомобили проезжали там редко. Сочли, что до момента обнаружения сгоревшая машина простояла там по меньшей мере сутки.

В машине обнаружили обгоревший до черноты труп мужчины. Было похоже, что он забрался в глубь пустыни, обильно полил бензином салон и самого себя, а затем поджег.

Установили, что это был белый мужчина около пятидесяти лет. Права сгорели, так что имя выяснить не удалось. Но по документам, оставшимся в офисе компании «Гертц», установили, что это был гражданин США Пол Алексон.

Мардху, Египет – 1

В верхнем течении Нила, посередине русла, есть место, где за сотни и тысячи лет засохшие стебли тростника, зацепившиеся за деревья, образовали большой остров.

Там живет около пятидесяти человек – потомки тех, кто из поколения в поколение рождался и умирал на этом острове. В центре острова – деревня, состоящая из маленьких тростниковых лачуг, в которых ютятся эти люди. Маленькая милая деревушка. Между лачугами много деревьев. Они выросли там, хотя остров плавает посреди реки – настолько толстый слой земли покрывает этот плавучий остров. Наверняка корни этих деревьев, насквозь проросшие сквозь почву, омываются нильской водой.

Берега острова покрывают густые заросли тростника. Добираться туда, где тростник становился реже, нужно с большой осторожностью, чтобы не провалиться в воду – там еще не образовался надежный слой почвы.

Пробиравшейся по тростниковому берегу шестнадцатилетней островитянке показалось, что между слоями упавших листьев мелькнул большой черный ящик. Она остановилась. Осторожно сняв с головы кувшин с водой, опустилась на колени и, согнувшись, попыталась разглядеть, что там между листьями.

Солнце начинало понемногу склоняться к западу. Подул

ветерок, принесший с собой особый запах влажных тростниковых зарослей на берегу, запах воды, аромат растущих на острове фруктовых деревьев. На небе, как всегда, не было ни облачка, в воздухе – никакой влажности, но если наклониться в прибрежных зарослях тростника, то неизменно ощущался сырой запах.

Девушка завернула подол выше колен и осторожно приблизилась к ящику. Тот был испачкан грязью и водорослями, но ей показалось, что на нем нарисованы какие-то прекрасные изображения.

Наверное, его принесло течением и прибило к тростниковым зарослям у острова. Девушка размышляла, что это за ящик. Сейчас он испачкан до черноты, но если его отмыть, он, несомненно, будет очень красив.

Чем ближе она подходила к ящику, тем красивее он ей казался. В некоторых местах ящик блестел золотом под солнечными лучами. Присмотревшись, девушка заметила, что на нем изображены женщины в красивых одеждах, каких она никогда раньше не видела. В руках у них были невиданные музыкальные инструменты и трости необычной формы. Наверное, этим чудесным ящиком владел царь какой-то неизвестной страны. Нет сомнения, что принадлежавшую знатному человеку вещь по какой-то причине унесла река.

Сердце девушки застучало. Она до сих пор ни разу не покидала тростникового острова, на котором родилась, но точно знала, что кроме него есть большой мир, где живет много

людей. И ящик приплыл из этого мира.

Раз в несколько дней к острову приставало судно, шла торговля. Когда наступал сезон сбора растущих на острове фруктов, судно приходило каждый день. Бывало, что люди из других мест останавливались на острове на несколько дней. В таких случаях девушка подходила к ним и старательно расспрашивала о внешнем мире.

Ей говорили, что внешний мир несравнимо просторнее ее острова, там много людей, стоят прекрасные дома, гораздо роскошнее, чем здесь, но есть и места, где только один песок, очень сухие и опасные. А поскольку людей очень много, не прекращаются раздоры и кражи. И часто под конец сообщали, что на острове спокойно и безопасно, поэтому лучше его не покидать.

Девушка думала, что внешний мир – наверное, тоже остров, только гораздо больше этого, но понемногу поняла, что это не так. Он гораздо, гораздо больше, там нет ни капли воды, а земная поверхность простирается до того места, где вечером заходит солнце – огромная, беспредельная страна. Там нет воды, поэтому все постоянно испытывают жажду и от этого раздражены. Раз нет воды, то нельзя в любой момент наудить рыбы, и фруктовые деревья не растут. Нельзя помыться, когда захочешь, и кожа покрывается трещинами.

Зато там есть женщины в красивой одежде, дарующая людям хорошее настроение вода под названием «вино», приятно звучащие музыкальные инструменты, чарующая музыка,

высокие каменные здания, достающие до неба, удивительно красивые города и магазины, где продается что угодно.

Сразу поверить в это девушке с острова было трудно, но зато она могла представить в мечтах все, о чем ей рассказывали. Потому что, если встать на восточном или на западном берегу острова, там, за безбрежными водами Нила, видна густо покрытая зеленью земля. И от далеких истоков до низовья реки тянулись эти зеленые берега.

Что там? В детстве она сомневалась, что там живут люди, но приплывавшие на остров суда, похоже, приходили оттуда. Значит, именно там красивые женщины, достающие до неба здания, магазины, в которых продают что угодно...

Девушка спрашивала у мужчин, приплывавших на остров, и ей отвечали, что хотя там правда есть смертельно опасные места, покрытые одним песком, но большинство людей живут в красивых городах, расположенных ниже по течению.

Тогда девушка впервые услышала слово «город». До того она знала только слово «страна».

С тех пор ей стало ужасно хотеться попасть в место под названием «город». Хотелось когда-нибудь поехать в города, расположенные ниже по течению. По мере того как она росла, это желание только усиливалось.

Ящик с невиданными, ослепительно прекрасными рисунками наверняка попал сюда из того города, чувствовала она, и восторг при виде этой роскошной вещи наполнил ее решимостью.

Тут девушка вскрикнула от испуга. Ноги ее глубоко провалились, вода доходила до пояса. Она второпях вылезла, вернулась на твердое место и решила пойти позвать кого-нибудь из мужчин, но передумала. Ведь не страшно немного побаловаться в воде, не снимая платья, тем более что оно быстро высохнет.

Девушка вошла в воду и медленно поплыла к ящику.

Добравшись до него и коснувшись обеими руками, она поняла, что он гораздо больше, чем казалось. Девушка собиралась принести его домой и использовать вместо стула, но для этого он был слишком велик, и дотащить его в одиночку вряд ли вышло бы. Все-таки она решила подтянуть ящик к берегу. Раздвинула тростниковые заросли и, гребя правой рукой и ногами, левой стала толкать его перед собой к суше.

Следовало действовать осторожно, чтобы не снесло потоком. Стараясь держаться в стороне от течения, девушка продолжала двигаться к берегу, толкая ящик. Мешали заросли тростника, и продвигаться вперед не очень получалось.

Когда край ящика уже почти коснулся берега, откуда-то послышался негромкий хруст. Она не придавала ему значения, решив, что это ящик трется о стебли тростника, но потом это показалось ей странным. Ведь она уже добралась до места, где тростника почти не было, но хруст не прекращался.

Она вдруг испугалась, с криком подпрыгнула и, оставив ящик в воде, выскочила на берег. Ей почудилось, что в ящи-

ке скрывается какое-то жуткое чудовище.

Оказавшись на берегу, девушка не отрывала взгляда от ящика, откуда хруст слышался все чаще. Сначала он раздавался время от времени, а сейчас звучал уже непрерывно. Постепенно хруст перешел в стук. Ошибки быть не могло. Звук шел из ящика.

– Здесь кто-нибудь есть? – крикнула девушка.

Ответа не было.

– Кто там в ящике? Человек? – крикнула она еще раз. Но никакой реакции так и не последовало. Спустя некоторое время вместо ответа раздался слабый звук, похожий то ли на писк, то ли на хриплый стон.

– Кто вы, ответьте! Человек? – прокричала она опять.

И вот...

– Да, человек. Выпустите меня отсюда, – пробормотал сдавленный мужской голос.

Испуганная девушка подумала было позвать кого-нибудь из деревни, но голос из ящика зазвучал снова:

– Скорее выпустите меня, я умираю, скорее...

Услышав это, она не могла бросить все, как есть. Быстро вернулась в деревню, взвалила на плечи веревку, которая, как она помнила, висела на дереве, выдернула табличку с именем владельца дерева, торчавшую между его корней, подобрала лежавший рядом камень и быстро вернулась к ящику.

Снова зашла в воду, с трудом привязала веревку к ящику

и, вернувшись на берег, потянула ее изо всех сил. Но в одиночку затащить ящик на берег ей не хватало сил. Вытянув его наполовину, девушка решила осмотреть крышку.

Чем больше она на него смотрела, тем красивее казался ей ящик. Он был покрыт тончайшей резьбой с невиданными орнаментами, загадочными знаками, фигурами красивых женщин и раскрашен в яркие цвета. Но на крышке нигде не было ручек, она не поддавалась никаким попыткам ее сдвинуть или приподнять. И неудивительно – при более тщательном изучении оказалось, что по всем четырем сторонам ее прибили множеством гвоздей.

Девушка постучала по ящику.

– Вы там?

– Да, скорее выпустите! – ответил мужской голос. Он звучал еще слабее, чем раньше. «Как ужасно с ним поступили, – подумала девушка, – засунули живого человека в ящик и заббили гвоздями...»

Она торопливо взяла кол и попробовала просунуть его заостренный конец в щель между ящиком и крышкой. Потом стала забивать его глубже принесенным камнем. Когда-то на острове не было ни одного камня, но они понадобились для сооружения хижин, и островитяне год за годом покупали камни у людей из внешнего мира. И теперь они валялись повсюду.

Девушка била изо всех сил. Постепенно гвозди стали поддаваться, и между крышкой и ящиком появилась щель.

Она просунула в нее пальцы и попыталась поднять крышку, но сил не хватало, чтобы сдвинуть ее хоть немного – гвозди были забиты надежно.

Тогда девушка просунула кол в щель немного в другом месте и снова стала забивать его камнем. Как только щель расширялась, она снова била камнем. Пройдя всю крышку по кругу, просунула кол поглубже и навалилась на него всем весом.

Крышка медленно поддавалась с громким скрипом – и наконец приподнялась с одной стороны. Гвозди уже начали ржаветь и держались некрепко.

Девушка перешла на другую сторону, где гвозди еще не давали крышке отделиться от ящика, и еще раз изо всех сил нажала на кол.

И вот крышка открылась полностью. Пока девушка занималась этим, солнце сильно склонилось к западу.

Когда крышка с всплеском упала на берег, пошел неприятный запах, как от гниющих фруктов и мяса. Девушка быстро заглянула вовнутрь и увидела лежащего там молодого мужчину в белой одежде, который как будто только что проснулся. На безымянном пальце левой руки у него было кольцо с большим синим камнем.

– Вы в порядке? Держитесь! – крикнула ему девушка. Но молодой человек некоторое время не двигался, словно мертвый. Его руки, ноги и щеки исхудали, как у мумии. Наконец его тонкая, как ветка дерева, коричневая правая рука

двинулась к лицу и бессильно надавила на веки.

– Глаза ничего не видят, ничего. Слепит... – проговорил мужчина, и чуть позже: – Воды, воды...

Девушка взяла стоявший рядом кувшин с водой, набрала немного в ладонь и поднесла ее к губам мужчины. Но он даже не попытался привстать, и она осторожно вылила воду ему на лицо, стараясь, чтобы хоть немного ее попало между приоткрытых губ. Мужчина, издавая чмокающие звуки, пошевелил губами.

Девушку это очень порадовало. Она подумала, что, может быть, его удастся спасти. А ведь в первый момент показалось, что надежды нет...

– Еще, еще попьете? – спросила она. Но ответа не последовало. Тогда она снова набрала воды между ладоней и налила ему между губ. Затем повторила это несколько раз.

Мужчина закашлялся, поперхнувшись водой.

– Простите, – сразу извинилась девушка. Она поила его слишком поспешно.

Солнце опускалось все ниже, ветер стал прохладнее. Ящик был сделан крепко, и мужчина в нем не промок, но оставлять его тут было опасно.

Девушка вспомнила, что рядом стояла старая хижина, которую не использовали для жилья, а хранили там рыболовные снасти. Она подумала, что там ему будет хорошо. Там его никто не увидит, и он сможет отдохнуть.

– Эй, скоро ночь настанет... Здесь нельзя оставаться. Ря-

дом есть домик, пойдём туда. Сможете встать? Из ящика выберетесь?

Но мужчине было очень плохо. Казалось, что его веки, волосы и шея совсем иссохли.

– Нет сил... Еще воды, – пробормотал мужчина.

Девушка снова набрала воды в руку и вылила ему на губы.

– Так не получится, слишком мало... Помогите мне подняться.

Он мучительно пытался приподняться. Девушка опустилась на колени и, просунув руки ему за голову и под спину, помогла сесть.

От этого ящик, все еще находившийся наполовину в воде, стал раскачиваться. Напоить мужчину в таком положении не было никакой возможности.

– Вылезайте сюда. Сможете?

Мужчина, пошатываясь, встал и, держась за край ящика, с огромным трудом перекатился через него наружу. Раздался всплеск, и он оказался сидящим на краю берега. Девушка сразу же подала ему кувшин. Он принялся жадно пить.

– Сейчас чуть полегчало, – сказал мужчина. – Почему земля так пружинит?

– Она из листьев тростника, – ответила девушка.

– Тростника? Правда? Где это мы?

– На Мардху.

– Мардху? Никогда не слышал. А там Нил?

– Да.

– Это остров?

– Ага, все так говорят. Остров.

– Все говорят? Значит, ты сама отсюда никогда не уезжала?

– Никогда.

Ответив так, девушка немного погрустнела.

Приглядевшись, она заметила, что, несмотря на измождение, у мужчины очень правильные черты лица. Безжизненные пересохшие волосы слегка шевелил ветерок.

В этот момент мужчина вдруг упал плашмя.

– Что с вами?

Девушка присела возле мужчины, приподняла его голову и положила себе на колени.

– Сил не хватает... Дай немного так полежать. Но мне уже лучше, лучше... Уже не умру. Я должен отомстить тем, кто сделал это со мной. Гиза отсюда далеко?

– Гиза? А что это?

– Не знаешь? Это город.

– Город? Про город знаю. Мне рассказывали. Хочется когда-нибудь туда поехать.

– Лучше не ездить, – быстро сказал мужчина, поморщившись, как от боли.

– Но ведь там красивые женщины, красивые одежды, много прекрасных домов, разве нет?

Мужчина кивнул.

– Там много магазинов, где продают что угодно, веселая

музыка. Все так говорят. Там есть каменный зиккурат высотой до неба. Нарядные богачи. Самое роскошное место в мире. – Девушка с любопытством потрогала ткань, из которой была сделана одежда мужчины. – Правда ведь? Как чудесно, я никогда не видела такой красивой ткани... Там много такой одежды? В этом городе?

– И грязных заговоров тоже! Насквозь прогнившие властители, тошнотворные политиканы, продажные женщины, преступники, готовые подставить подножку товарищу, чтобы захватить богатство и власть... Вот что такое город. Этим нельзя восхищаться. Ты гораздо красивее, чем разряженные жены богачей. Как тебя зовут?

– Микул.

– Микул? Странное, но красивое имя. Микул, прекрасно... Микул, прошу тебя, не говори больше о городе. А то мне опять станет плохо. Там свалка. Все прогнили. И даже если встретишь что-то приятное, знай: это ловушка дьявола.

Выговорив все это на одном дыхании, мужчина потерял сознание. Не иначе в городе, называемом Гиза, с ним произошло что-то ужасное.

Микул снова смочила губы мужчины водой и положила его голову на мягкую тростниковую поверхность. А потом с трудом вытащила на берег polegавший, но все еще тяжелый ящик.

На Корабле – 1

Мужчина в спортивном костюме из белой фланели, только что яростно крутивший педали велосипеда, остановился, утер пот и подошел к Джеку Вудбеллу, занимавшемуся на тренажере греблей. Стоя рядом, он некоторое время наблюдал за его успехами.

Вудбелл перестал грести и, тяжело дыша, обратился к наблюдающему за ним мужчине:

– Хотите попробовать на этом?

– Нет-нет. Просто смотрел, как это делается. Извините.

Я уже немолод, немного устал...

– Да вы в отличной форме. Давайте, попробуйте.

Вудбелл встал.

– Нет, пожалуйста, продолжайте.

– Мне уже достаточно.

– Правда? Ну, попробовать, что ли, немного...

Мужчина сел на гребной тренажер вместо поднявшегося Вудбелла и с серьезным видом несколько раз взмахнул веслами, но тут же перестал.

– Вот ведь, он совсем новый, в отличном состоянии...

Нам, британцам, сейчас надо больше тренироваться. Мы же британцы. И здесь все новое, дорогое. Отовсюду пахнет деньгами...

Он встал. На вид ему было лет пятьдесят, щеки до подбор-

родка покрывали полуседые бакенбарды. В поведении мужчины, державшегося с особым достоинством воспитанного англичанина, были видны манеры завсегда закрытых лондонских клубов.

– Прямо как в лучшем спортивном клубе Лондона... Вы видели электрического верблюда? Конечно, это дамская игрушка, но такие спортивные тренажеры, как и электрическую лошадь, я на корабле вижу впервые. Я немного вспотел. Не хотели бы вы выйти на шлюпочную палубу немного проветриться? Не составите мне компанию?

– С удовольствием.

Они вместе вышли из тренажерного зала и отправились на палубу.

– Отличный ветер! – произнес англичанин.

Морской ветер теребил его бакенбарды. Опершись на поручни, мужчины смотрели на блестящую под солнечными лучами до самого горизонта спокойную гладь Атлантического океана. Плавный изгиб горизонта был частью внешней границы этой планеты, на которой находились двое попутчиков.

– Достойный корабль. Вон за нашими спинами полукруглые окна спортивного зала, где мы только что потели – прямо как у зданий на площади Пиккадилли... А взгляните на воду внизу – голова кружится! – Британец резко отстранился от поручней. – Как будто смотришь вниз с верхнего этажа самого высокого лондонского здания. Ведь здесь от ватерли-

нии и до верха трубы высота как у одиннадцатипятиэтажного дома.

– Да, кажется, так. Я тоже перед тем, как сесть на этот корабль, перечитал о нем все. Что ни говори, рекламных материалов о нем масса, наберется на целый приличный том.

– Совершенно верно.

– Водоизмещение – сорок шесть тысяч триста двадцать девять тонн, длина ватерлинии – восемьсот девяносто одна целая девяносто девять сотых футов, или двести шестьдесят восемь метров восемьдесят три сантиметра. Максимальная ширина – девяносто две целых сорок девять сотых фута, или двадцать восемь метров восемнадцать сантиметров, высота от киля до верха четырех труб – сто семьдесят пять футов, или пятьдесят три метра тридцать четыре сантиметра. Я все это накрепко запомнил. Сейчас это самое большое транспортное средство на земле. Масштаб как у египетских пирамид.

– Соглашусь с вами. Продукт тщеславия, созданный господствующей над миром Британской империей.

– Здесь есть чему удивиться. Прежде всего, холл первого класса...

– В стиле Людовика Четырнадцатого, – сказал мужчина с бакенбардами, подняв вверх палец.

– Именно, отделан по образцу декора в Версальском дворце.

– Там жены предпринимателей великой Британской им-

перии, осознающие, что они господствуют над миром, пьют чай, развлекаются игрой в карты, ведут пустые беседы, читают книги. В этом позолоченном зале они в который раз подтверждают свою уверенность, что именно британцы правят миром.

– Следующее достойное удивления место – ресторан первого класса. Самое просторное и роскошное помещение на корабле. В нем могут разместиться пятьсот человек, есть отдельные кабинеты, белые стены и потолок с мозаичным узором.

– Прямо целый дворец. Видели, какое там меню? Устрицы и фуагра, утка под яблочным соусом... У Марии Антуанетты вряд ли были такие роскошные обеды.

– Абсолютно верно. Даже если б нас на следующий день ожидала гильотина, придраться было бы не к чему.

– Ну, если вам нравится все французское, то после обеда добро пожаловать в «Кафе Паризьен», скопированное с парижских кафе, – усмехнулся Вудбелл.

– На корабле есть даже «парижская улочка».

– А две каюты «люкс» длиной пятнадцать метров на палубе «В»?

– Фахверк¹ в тюдоровском стиле! – снова быстро ответил мужчина с бакенбардами.

– Я чувствую себя участником викторины.

¹ Фахверк – способ постройки зданий, при котором основным строительным материалом заполняется деревянный каркас, остающийся видимым.

– При этих каютах «люкс» есть своя прогулочная палуба, и каждая каюта первого класса оформлена в своем стиле, от рококо до Анны Стюарт – прямо каталог вкусов знати. У кают первого и второго классов свои отдельные лифты. В турецкой бане роскошный бассейн, а вон там виден лестничный холл, самый роскошный и большой корабельный холл в мире. Для чего нужно было строить такой корабль и пускать его по волнам? Все равно что соорудить еще один Букингемский дворец и отправить в Атлантику, – сказал Вудбелл, грустно усмехнувшись.

– Видимо, британцы хотели перед всем миром похвастаться своей силой и богатством.

– Подобно Древнему Риму... Кстати, а вот об этом вы знаете? Об этих шлюпбалках? На них можно повесить до тридцати двух спасательных шлюпок. Но когда, прогуливаясь тут, я их пересчитал, оказалось, что их всего шестнадцать. А это значит, что если корабль утонет, то половина из его двух тысяч богатых пассажиров пойдет ко дну вместе с ним.

– Но ведь этот корабль не может утонуть?

– Так же как непотопляемая слава нашей великой империи? Все только и кричат об этом. А вот ни судостроители, ни компания «Уайт Стар Лайн» ни слова не сказали на эту тему.

– Но я слышал, что если построить еще один «Титаник» и устроить их столкновение, то корабли останутся на плаву. Расположенные в самом низу трюмы разделены множеством

переборок, и по одному нажатию кнопки с капитанского мостика двери между ними будут мгновенно задрены, так что вода не просочится. Ваши опасения преувеличены.

– Хорошо бы, если так... Будем на это надеяться. Между прочим, если вы плывете на этом корабле, как будто построенном из фунтовых ассигнаций, не один ли вы из тех, кто правит мировым финансовым рынком из своего лондонского офиса?

– Почему вы так решили? Я всего лишь скромный литератор. Мне пришло в голову написать роман, действие которого происходит на самом большом в мире корабле, так что я под причитания жены накопил денег – и вот оказался здесь.

– О, так вы писатель!.. Неудивительно, что у вас на лице нет высокомерия. Там, в спортивном зале, я подумал, что наконец нашел подходящего мне человека. Я уже в отчаяние пришел от хвастовства богачей и военных с их бесконечными рассказами что в салоне, что в гостиной.

– Вы тоже писатель?

– Нет, у меня другое занятие, но общее у нас с вами то, что мы оба пишем книги. Я преподаю археологию в Лондонском университете. Разрешите представиться, Уолтер Уайт.

– Археологию? Прекрасная наука! – воскликнул писатель.

– Интересуетесь археологией?

– Очень интересуюсь. Если б я не был писателем, то, наверное, махал бы лопатой на каких-нибудь руинах.

– Это скучная наука, но преподносит много уроков.

– Скучная?

– За целую жизнь может случиться всего несколько удач, волнующих кровь. А обычно мы изо дня в день во мраке Британского музея поливаем водой шумерские глиняные таблички и перерисовываем с них в свои тетради клинописные знаки, чтобы потом их расшифровывать. Многие ученые, подобно мне, всю жизнь терпеливо занимаются этой работой, и все же на то, чтобы расшифровать все глиняные таблички из Британского музея, легко уйдет еще двести лет.

– Двести лет?

– Представьте! И это по самым благоприятным расчетам. Единственный раз работа меня взволновала, это когда на табличках было обнаружено повествование, как две капли воды похожее на библейское предание о великом потопе. Вот это и правда хорошее воспоминание.

– Несомненно.

– Достигнув расцвета, любая цивилизация впадает в гордыню. Гордится – и после этого уходит в небытие. Так же как Солнце, которое никогда не будет двигаться по небосводу с запада на восток, цивилизации будут повторять этот несложный путь, появляться и исчезать в истории.

– Вы специалист по восточным цивилизациям?

– Все, что оказало влияние на нашу цивилизацию, пришло с Востока. Но больше всего я люблю заниматься Египтом. Вы недавно упомянули в разговоре пирамиды. Я готов положить жизнь на их изучение. Едва услышав, как кто-нибудь

упоминает Египет и пирамиды, я готов тут же собрать чемодан и мчаться в любую точку мира. Ну конечно, чаще всего я бывал в Каире. Люблю египетский табак, уже раз пятьдесят видел каирскую постановку «Аиды». В плавание на этой пирамиде британской цивилизации я отправился еще и потому, что здесь обещали показать спектакль по древнеегипетской пьесе «Драма мертвецов». Благодаря этому и жена моя нехотя дала согласие на поездку. Интересно, вот почему женщины так любят дорогие вещи?

– Загадка.

– Вы, как писатель, что об этом думаете?

– Может быть, дело в том, что женщины подобны промокательной бумаге. Впитывают и носят в себе чернильные пятна.

– А мужчины?

– Мы, мужчины, как перо со сломанным концом: всюду брызгаем чернилами и оставляем свои следы.

– Да, очень писательская мысль... Можно узнать, как вас зовут?

– Извините, не представился сразу. Джек Вудбелл.

– Джек Вудбелл? Вы пишете детективы, не так ли?

– Да, это так. Счастлив узнать, что вы обо мне слышали.

– «Следственная машина»² – это ведь ваша книга?

² Отсюда становится ясно, что прототипом персонажа стал реальный известный писатель, погибший в ходе крушения «Титаника» – Жак Хит Фатрелл, наиболее известный как создатель детектива профессора ван Дузена по прозвищу Мыслящая машина.

– Для меня большая честь...

– Это я должен сказать. Позвольте пожать вашу руку. Теперь воскресенье четырнадцатого апреля тысяча девятьсот двенадцатого года навсегда останется для меня памятным днем. Что ни говори, а в Лондоне не найдется любителя литературы, который не знал бы имени Джек Вудбелл. Мне всегда хотелось хоть раз встретиться с вами. Меня страшно интересует ваша работа.

– Я могу сказать то же самое. В том, что касается изучения пирамид, я готов принять участие в любой момент, сразу же отложив перо. Не могли бы вы немного рассказать об успехах в вашей работе?

– Это совсем не сложно... Но между тем стало прохладно. Если не возражаете, давайте спустимся в каюты по этой лестнице, которой гордится вся Британская империя, пересоденемся и встретимся в курительной комнате на нижней палубе А. Покурим и не торопясь поговорим об исчезнувшей цивилизации.

– Согласен.

Детективный писатель и археолог отошли от поручней верхней палубы, о которые опирались спинами. Уходя, писатель бросил взгляд на большую спасательную шлюпку, подвешенную на шлюпбалке.

Мардху, Египет – 2

Через некоторое время мужчина пришел в сознание, и Микул, на плечо которой он опирался, довела его хижины с рыболовными снастями.

Оставив мужчину отдохнуть, она быстро сбегала домой, взяла фруктов и дала ему. Еще она принесла ему козье молоко и вяленную на солнце рыбу. Ночью у мужчины немного поднялась температура.

Хижина была только с трех сторон окружена сплетенными из тростника стенами, но места в ней хватило, чтобы мужчина мог лежать.

Вернувшись домой, Микул без задней мысли спросила родителей, нужно ли помогать человеку, если он приплыл на остров из другого места и плохо себя чувствует, и в ответ услышала, что с незнакомцем ни в коем случае нельзя связываться – это может быть опасно, потому что неизвестно, что у него на уме. Микул удивилась, но оставить мужчину одного было невозможно. И со следующего утра ей пришлось ухаживать за ним тайно.

На следующее утро, как только оранжевые лучи солнца проникли в комнату сквозь щели между листьями тростника, Микул вскочила с постели, быстро сложила простыню, под которой спала, и, захватив фрукты, поспешила к хижине, где оставила мужчину.

Добежав до места, откуда просматривалась рыболовная хижина, она увидела, что мужчина вышел наружу и расслабленно сидит на краю потока, обхватив колени руками. На левой руке у него было кольцо с синим камнем.

– Что случилось? Не спится? – спросила Микул.

Мужчина испуганно обернулся.

– А, это ты!.. Привет! Не в этом дело. Я слушал шум текущей воды. Он так успокаивает душу! Утром Нил шумит не так, как вечером.

Мужчина, конечно, был все еще слаб, но выглядел немного веселее. Микул протянула ему принесенный инжир.

– Вот спасибо! Благодаря тебе я чувствую себя гораздо лучше. А ты сама не будешь есть?

Микул решительно помотала головой.

– Нет, поесть я всегда могу.

– У тебя всегда такие большие сияющие глаза! Полные любопытства, прямо смотрящие на человека без малейшей тени подозрительности... – В голосе его одновременно звучали восхищение и легкая грусть. – Ты нежна и прекрасна, как этот утренний воздух. Всегда оставайся такой. Я сейчас думал, что творится в душах жителей Гизы. В городе нет ни одного человека с такими глазами, как у тебя. Их души затуманены деньгами и жадностью. Может быть, раньше там было лучше, но сейчас они безнадежны. Если в городе человек внимательно на тебя смотрит, значит, он нацелился на содержимое твоего кармана. Эх, какое ужасное место!

Мужчина вздохнул. Микул присела рядом с ним и положила руки на его колени.

– Эй, не надо вздыхать! Держитесь бодрее!

Она посмотрела мужчине в глаза. В них стояли слезы.

– Хорошо, я с тобой согласен. Ты очень хорошая. Ты...

Не знаю, как это сказать... Ты просто чудо. Мне очень повезло встретиться с тобой. Здесь... Как ты назвала это место... Мардху? Мардху – прекрасное место, рай на земле.

– Лучше расскажи что-нибудь приятное.

– Тебе лучше отсюда не уезжать. Если будешь так класть руки на колени мужчинам, тебя примут за проститутку.

Микул с удивлением отдернула руки.

– Ничего, ничего, сейчас можно. Я очень рад, когда ты так делаешь. Мне сейчас хорошо. Расскажи мне про это место.

– Очень маленькое. Если идти вдоль воды, то скоро вернешься туда, откуда вышел. Показать вам? – Микул вскочила на ноги.

– Да, я бы с радостью, но сейчас ничего не выйдет. Сил наберусь, тогда...

– Ладно, когда поправитесь. А как ваше имя?

– Имя? А, мое имя? Если я его назову, ты можешь удивиться, ты ведь его, наверное, знаешь... Или постой, возможно, здесь оно и неизвестно. Мизор... Слышала когда-нибудь?

Микул покачала головой. Мужчина рассмеялся.

– Не надо так энергично качать головой. А имени фараона

ты тоже не знаешь? Ха-ха-ха! Какое замечательное место!
Мое имя Дикка.

– Дикка? Красивое имя.

– Правда? А мне самому не нравится.

– Дикка, расскажи про город.

– Про город? В городе все пересохло. Все пересохло до-бела. Все черствое, как души живущих там людей. Это и са-мое прекрасное место на земле, и самый ужасный ад. В цен-тре города стоят иссушенные каменные дворцы. Входы за-навешены разноцветными полотнищами от солнца, а внутри в полумраке женщины пьют чай.

– Здорово! А женщины эти красивые?

– Некоторые из них. Знатные женщины носят белые одежды и танцуют под музыку, которую исполняет оркестр из невольников. – Мужчина соединил ладони и немного изогнул туловище, показывая, как это выглядит.

– Я тоже немного умею танцевать.

– У тебя наверняка очень хорошо выходит... А мужчины пьют вино и мечтают о войне с соседними нубийцами.

– О войне?

– Да, о войне, об убийстве. Такая глупость! Но вот это и есть город. Если какое-нибудь место процветает, людям в другом месте тоже начинает этого хотеться. Нет сомнения, пройдут тысячи лет, а люди будут делать это снова и снова.

– Они договариваются, как не проиграть войну?

– Не только. Победят или проиграют, не в этом дело. Они

беспокоятся, чтобы на войне не появились герои.

– Герои? Почему?

– Тебе не понять. Все боятся, что кто-нибудь из друзей станет героем. Если появится герой, его вот так заколачивают в ящик и сбрасывают в Нил.

– Как же так?!

– В который уже раз праздновали победу над нубийцами, все обнимались... И я тоже. Я уже был сыт по горло пением и танцами восточных красавиц, редкими нубийскими винами. Наверное, когда-нибудь с Нубией будет большая война. Не то время, чтобы постоянно праздновать.

В это время один знатный человек по имени Меф, войдя в зал, повелел рабам внести редкостной красоты ящик. Его крышку и четыре стенки украшала прекрасная резьба и роспись. Меф сказал, что он велел изготовить ящик своему любимому резчику, чтобы преподнести фараону, но сегодня передумал и решил подарить его тому, кто точно поместится в ящике.

Все по очереди ложились в ящик, но кому-то он был великоват, кому-то маловат. Подошла моя очередь. Я лег, и ящик оказался мне точно по размеру, как будто делался на заказ. И тут Меф, трясая животом, закричал: «Дикка, этот ящик твой!»

Крышку мгновенно закрыли и забили гвоздями. Это был спектакль, в котором участвовали все они. Затем ящик отвезли к верховью Нила и сбросили в воду. Но что-то пошло

не так, и ящик приплыл сюда, где ты меня и спасла.

– Вот ведь как ужасно поступили эти люди!

– Наверное, все хотели, чтобы я исчез. Ведь ящик подошел мне не случайно. Его специально сделали по моей мерке. Прогнившие сволочи... М-м, какой вкусный инжир!

* * *

Мужчина был молод и быстро пошел на поправку. На следующее утро Микул с опаской проводила Дикку к жителям деревни, но она боялась зря – те встретили его доброжелательно и собрались вокруг.

Дикка обладал даром располагать к себе людей и к тому же был хорошим собеседником, поэтому сразу же сделался знаменитостью. Все жители деревни собирались послушать его рассказы о далеком городе Гиза, играли на музыкальных инструментах приветственные мелодии. Трое молодых ребят разыгрывали спектакль, большинство мужчин и женщин пели хором, девушки танцевали. Микул, умелая танцовщица, танцевала вместе со всеми. Дикка, прихлебывая чай, хлопал в ладоши, хохотал и радовался всему.

Ему выделили гостевой домик возле причала. Некоторое время он там жил, по утрам плавал вместе с рыбаками на их лодках, помогая ловить рыбу, но в конце концов сел на один из причаливших к острову кораблей и уплыл в город.

Прощаясь, Дикка снял с безымянного пальца левой руки

кольцо с синим камнем и протянул его Микул.

– Я первый раз в жизни встретил такую симпатичную девушку, как ты, – сказал он. – Думаю, лучше тебе не ездить ни в какую Гизу, но если все-таки очень захочется приехать, навести там меня. У меня самый большой дом в городе, ты его легко найдешь. Охране у входа скажи, что хочешь встретиться со мной, и покажи это кольцо. Я обязан тебе жизнью. Это кольцо теперь твое.

Сказав это, он пожал Микул руку, обнял за плечи и поцеловал. Затем, грустно помахав рукой, поднялся на корабль и уплыл вниз по течению.

На Корабле – 2

В воскресенье 10 апреля 1912 года «Титаник» вышел из английского порта Саутгемптон и, зайдя вечером того же дня во французский Шербур, 11 апреля прибыл в Куинстаун в Ирландии. Отсюда началось его первое плавание через Атлантику, в Нью-Йорк. Уже четыре дня оно проходило без каких-либо происшествий. Командовал кораблем капитан Эдвард Смит, ветеран, за плечами которого были сотни трансатлантических рейсов.

Писатель Джек Вудбелл не торопясь поднялся по роскошной главной лестнице в носовой части корабля. Верхняя часть лестницы, выходящая на палубу А, вызывала совершенный восторг. Сверху ее накрывал белый купол, спроектированный таким образом, чтобы днем пропускать свет снаружи. Стены и колонны изготовлены из самого лучшего дуба. Поручни и портал лестницы покрывала искусная резьба, с часами в центре. Ажурная нижняя часть поручней выполнена из металла. На первой ступени лестницы стояли бронзовые скульптуры мальчиков с фонарями в поднятых руках.

Такое роскошное убранство вряд ли можно встретить даже в самых дорогих домах Лондона. В будущем, когда этот корабль отслужит свой срок, все эти скульптуры попадут в Британский музей как выдающиеся произведения британ-

ского искусства первой половины XX века. Так думал Вудбелл, поднимаясь по лестнице.

Курительный салон первого класса тоже напоминал о самых привилегированных клубах лондонских богачей. Резные стеновые панели в стиле Георгианской эпохи из красного дерева с искусной инкрустацией перламутром, в центре – замысловатые витражи и зеркало в раме с богатой резьбой. На полу линолеум с арабесками, белый потолок украшен лепниной, к нему подвешены люстры замысловатого дизайна.

По всему салону группами расставлены кожаные диваны и столики на искусно сделанных металлических ножках; рядные мужчины и женщины, куря трубки и тонкие сигареты, о чем-то оживленно болтают. Из променада первого класса доносятся легкие мелодии Коула Портера в исполнении оркестра.

Джек Вудбелл обошел зал, ища Уолтера Уайта, но того нигде не было. Да и салон был так искусно декорирован, что он не столько думал о поисках археолога, сколько любовался лучшими произведениями английского искусства 1912 года.

За спиной Вудбелла вдруг раздались аплодисменты и громкие восклицания. Они предназначались двум джентльменам, вошедшим в салон. Один из них, весьма симпатичный мужчина, выглядел довольно молодо. Но обоим было уже за сорок. Первый был инициатор строительства «Титаника» Джозеф Брюс Исмей; второй, симпатичный, –

конструктор корабля Томас Эндрюс. Исмей носил закрученные вверх черные усы, у Эндрюса лицо было гладко выбрито. Где бы ни появились на «Титанике» эти двое, их неизменно встречали аплодисментами и рукопожатиями. В королевстве под названием «Титаник» они были героями, воплощением гордости Британии.

Вокруг них моментально образовалась толпа, женщины осыпали их восторженными восклицаниями. Обмен знаками уважения продолжался еще долго. Вудбелл наблюдал за этим со стороны, но потом ему стало интересно, о чем идет разговор. Разумеется, раздавались банальные комплименты, но между ними могли звучать и остроумные шутки по поводу зенита британского процветания.

Когда он подошел поближе, ему удалось увидеть лица этих двоих мужчин, рассыпающих улыбки в окружении восторженных леди. Знакомая картина напомнила ему появление популярного американского киноактера в лондонском клубе.

– Мистер Исмей, вам известен роман американского писателя Моргана Робертсона «Глупость»³? – спросил откуда-то из толпы голос, показавшийся знакомым.

– Простите... повторите, пожалуйста.

Исмей повернул голову в направлении говорившего. Толпа чуть расступилась, чтобы не мешать диалогу между Исме-

³ Отсылка к реальной повести Моргана Робертсона «Тщетность», вышедшей на самом деле не за четыре года до описываемых событий, а в 1898 г.

ем и человеком, задавшим вопрос. Уолтер Уайт, переодевшийся в костюм, держал под мышкой толстую книгу.

– «Глупость» Моргана Робертсона. Издана в Америке четыре года назад.

– Простите, это роман?

– Роман.

– О чем там? – спросил, улыбаясь, Эндрюс.

– Значит, вы не знаете... Жуткий роман. Надо быть сумасшедшим, чтобы говорить о его содержании в присутствии леди.

– И все же, прошу вас, – приветливо сказал Исмей. – Здесь собрались солидные люди, которых так просто не смутишь. Даже если вы расскажете, как Англия тонет в водах Атлантики, они воспримут это как забавное представление.

Раздался смех.

– Там говорится о роскошном английском корабле под названием «Титан».

– Я где-то слышал это название.

Снова смех.

– Этот корабль в апреле выходит в свое первое плавание по Атлантике. Там он сталкивается с айсбергом и тонет.

– Надо же!

– Но это еще не все. На этом «Титане», строительство которого обошлось в огромную сумму, спасательных шлюпок оказалось недостаточно, чтобы разместить всех пассажиров и команду. И хотя корабль, на котором плыли больше двух

тысяч человек, уходил под воду очень медленно, из-за этого больше тысячи человек оказались на дне морском. «Титан» имел больше восьмисот футов в длину, восемьдесят футов в ширину и около ста футов в высоту, его строительство обошлось в полтора миллиона фунтов – точь-в-точь наш «Титаник». И по количеству спасательных шлюпок тоже.

По курительному салону первого класса прошел ропот.

– На нашем корабле – тоже на две тысячи двести двадцать пассажиров – шлюпок только на тысячу человек.

– Очень интересная история, – весело сказал Исмей, – только наш корабль отличается от того, что описан в романе. Прежде всего тем, что «Титаник» не тонет.

– Но я слышал, что айсбергов и правда много. Говорят, что от проходивших рядом судов нам по радио поступило несколько предупреждений об айсбергах, – сказал писатель; он узнал об этом от знакомого члена команды.

– В апреле айсберги не такая уж редкая вещь. Сообразительному романисту проще всего придумать столкновение именно с айсбергом, – все так же весело ответил Исмей.

– Принципиальная разница в том, что «Титаник» не утонет от какого-то столкновения с айсбергом, – уверенно вмешался в разговор конструктор. – Корабль спроектирован таким образом, что, даже если в случае прямого столкновения с препятствием его носовая часть окажется вмята на пятьдесят футов, течь будет остановлена. На нашем корабле имеется шестнадцать отсеков, разделенных водонепроницаемы-

ми переборками. Конструкция предусматривает многоступенчатую систему блокирования воды в случае течи, и если вода попадет в первый отсек, она будет остановлена во втором, в крайнем случае в третьем. И даже если окажутся затоплены четыре отсека, корабль не утонет. В случае столкновения с айсбергом вода попадет максимум в первый отсек. Именно поэтому я не стал бы оспаривать распространенные среди моряков слухи, что «Титаник» непотопляем. К тому же мы не единственный корабль, плывущий через Атлантический океан. Вокруг много других судов. Мы постоянно поддерживаем с ними связь по радио. И если представить, что в корабле образовалась пробоина и он начал тонуть – имейте в виду, мы говорим о случае, вероятность которого не более единицы на миллион, – корабль сразу не утонет и нас спасут проходящие рядом суда. Так что тысяча человек никак не может оказаться на дне морском, как вы выразились... Хорошо – если что-то произойдет, я до последнего останусь на корабле и после спасения расскажу этому романисту, как трудно утопить корабль, спроектированный для двух тысяч человек. Наверное, этому американцу вскоре придется переписать свой роман.

Послышался смех.

– Да и Господь никак не может допустить, чтобы такое количество влиятельных людей, представляющих целую эпоху и олицетворяющих вершину цивилизации, просто так оказались в опасности посреди Атлантического океана, – твердо

заявил владелец корабля, – и я благодарю вас за забавную историю, так соответствующую духу нашего приятного плавания. А у нас есть еще кое-какие дела, так что разрешите на этом откланяться.

Судовладелец и конструктор, обнявшись за плечи, неторопливо покинули курительный салон первого класса. Другие пассажиры неприязненно поглядывали на Уайта и Вудбелла, и им не оставалось ничего другого, кроме как отправиться за самый дальний столик курительного салона.

– Ох-ох, опять опозорился... Никак не могу привыкнуть к великосветскому этикету. В мире науки не нужны ни комплименты, ни предупредительность.

– Отлично вас понимаю. Клеопатре тоже не было нужды притворяться и скрывать свой возраст перед Цезарем.

– Вот именно. Но меня особенно заинтересовал этот корабль, потому что один человек навел меня на эти мысли. В Саутгемптоне произошла следующая история. Утром десятого апреля я вместе с женой ждал посадки на корабль в пассажирском зале, когда туда вошла бедно одетая старая женщина. Она внимательно огляделась, и, заметив меня, направилась прямо в мою сторону.

– Ваша знакомая? – спросил писатель.

– Совершенно неизвестный мне человек. Загадка, почему она выбрала меня, а не кого-нибудь другого. Возможно, почувствовала в моем облике что-то общее по духу с собой... Поняла, что говорить будет проще, чем с людьми из высше-

го света. Так или иначе, она подошла ко мне и сразу спросила, не собираюсь ли я плыть на «Титанике». Я ответил, что собираюсь, и тогда она сказала, что от плавания надо отказаться.

Мы с женой удивились и ответили, что сейчас это сделать уже невозможно. Женщина с выражением глубокого сожаления на лице повернулась, чтобы уйти. Меня заинтересовали ее слова, и я ее остановил. Попросил сесть на свободное место рядом с нами и поинтересовался, почему она так думает. На что она спросила, знаю ли я об астрологии. Астрология зародилась в междуречье Тигра и Евфрата, и иметь о ней представление необходимо для моих научных исследований, поэтому я кое-что о ней знаю. Когда я сказал ей об этом, женщина объявила, что, с точки зрения астрологии, этот корабль обречен.

– Вот как! – Заинтересовавшись, писатель подался вперед. – Женщина, значит, гадала по звездам?

– Именно.

– Она выглядела достойным человеком?

– На мой взгляд, ей вполне можно было верить. Выглядела она довольно потрепанной, но свет в ее глазах и твердое выражение лица не вызывали подозрения, что она пытается заработать своими выдумками.

– И что она сказала про «Титаник»?

– Сказала, что этот корабль подвергнется суду Божию за гордыню человеческую.

– Ничего себе!

– Можно было бы посмеяться над этим пророчеством, но я, опираясь на опыт своей работы, услышал в них отзвук истины.

– Что именно?

– Всю свою жизнь я занимаюсь изучением достижений цивилизаций междуречья Тигра и Евфрата, Аравийского полуострова, Египта. Большая часть этого региона сейчас находится под властью Османской империи. Наша Британская империя строит крупные планы в отношении этих арабских территорий.

Писатель кивнул. Он уже давно заметил то, о чем сказал собеседник.

– Наша империя пытается отобрать этот регион у Турции. Залить его кровью, завладеть землей, где родились все безграничные научные достижения, которыми мы сейчас пользуемся. В ближайшем будущем там может начаться большая война. Наша цивилизация гордится тем, что оскорбляет арабскую нацию. Гордость, не уважающая никого. Бог принадлежит не нам одним, как полагает, судя по его словам, владелец нашего корабля. Эти мысли порождает самонадеянная уверенность, будто мы – главная движущая сила истории. Слова той женщины совпали с этими моими давними мыслями, и я с ней внутренне согласился.

– А конкретнее она ничего не объяснила?

– Объяснила. По ее словам, в момент спуска на воду

«Титаника» со стапелей судостроительного завода компании «Хартлэнд и Вулф» тридцать первого мая одиннадцатого года Марс был в оппозиции к Асценденту, а Меркурий в соединении с Сатурном образовали оппозицию к Юпитеру.

– А что такое оппозиция, соединение и прочее?

– Оппозиция – это наихудшее взаимное расположение звезд, на сто восемьдесят градусов. Соединение – когда звезды расположены совсем близко или даже накладываются друг на друга. Асцендент – восходящий знак на восточном горизонте; здесь это сам корабль.

– Понятно.

– Кроме того, в полдень того самого десятого апреля, в момент, когда «Титаник» отошел от Британии, Асцендент (само судно) был в оппозиции к Урану (резкие перемены) и в оппозиции же к Луне. Нептун, правитель моря, стоял в двенадцатом доме (неожиданное несчастье и скрытый враг) в квадратуре с Солнцем (опасный аспект для Асцендента).

– Так-так.

– К тому же в гороскопе капитана корабля Эдварда Смита Нептун в восьмом доме смерти, а Уран (катастрофа) – в девятом доме, означающем долгое плавание. Уран в точной оппозиции к Луне и в соединении с Солнцем.

– Я не знаю астрологию, так что не очень понимаю... – сказал писатель. – Но, похоже, это не предвещает ничего хорошего?

– Не просто ничего хорошего, это очень плохое предзнаменование.

– Ясно.

– Есть несколько фактов, подтверждающих это плохое предзнаменование. До последнего дня Смит был капитаном «Олимпика», корабля такого же класса, что и «Титаник», но гораздо более скромного. Так вот, двадцатого сентября прошлого года этот «Олимпик» столкнулся с крейсером «Хок» британского военно-морского флота.

– Правда?

– Это факт. Из-за его ремонта назначавшееся на двадцатое марта первое плавание «Титаника» перенесли на десятое апреля.

– Ничего не скажешь, непростые мысли все это навевают... И вы, несмотря на совет гадалки, все-таки сели на «Титаник»?

– Слова жены о том, что деньги, заплаченные за билет, уже не вернуть, звучали гораздо трезвее. Я убедил себя, что такие разговоры – не редкость. Должно быть, множество судов пришли в порты, несмотря на такие же мрачные предзнаменования, и, наоборот, немалое число людей и кораблей, которым звезды предсказывали светлый путь и удачу, ожидали несчастье и смерть.

– Вы так считаете?

– Да, я так думал. Я не специалист по таким проблемам. Но был уверен, что дело именно так и обстоит. Однако скоро

пожалел об этом.

– Что вы имеете в виду?

– Не знаю, известно ли это вам, но когда в полдень десятого апреля «Титаник» точно по расписанию отдал швартовы в Саутгемптоне и буксир отвел его от причала, волны, поднятые громадным кораблем, оборвали швартовый трос стоявшего рядом судна «Нью-Йорк», корма которого, двигаясь по дуге, прошла от «Титаника» всего в каких-то четырех футах. Буквально в волоске! Из-за этого отплытие «Титаника» задержалось еще на час.

– О, я не знал.

– Какое символичное название! Кораблю, отплывавшему в Нью-Йорк, пытался помешать другой корабль с именем этого города.

– Да уж...

– Что-то я опять о грустном... Хорошо, если со смехом вспомним об этом в каком-нибудь нью-йоркском кафе, – усмехнулся археолог.

Но писатель даже не улыбался и, казалось, погрузился в собственные мысли. Заметив это, археолог меланхолично продолжил:

– На борту этого корабля мне встретился примечательный человек. Обитатель каюты первого класса Роберт Алексон. Английский богач, живет в Америке, подозрительно мрачный персонаж. Казалось, что его очень утомляет постоянно находящийся рядом друг Дэвид Миллер, который, как он

сказал, насильно затащил его на этот корабль.

– И что?

– Когда я встречаю Роберта Алексона, он всегда пьян, как будто у него каждый день несчастье. Распространяя запах дорогого виски, он пытался пригласить меня к себе в каюту.

– В каюту? У него что, жены нет?

– Он всегда был один. На мой вопрос он ответил, что жена тоже тут, но всегда куда-то сбегает. Судя по его виду, мотивы ее поведения нетрудно понять.

– Так вы были у него в каюте?

– Был.

– И что? Алексон вам что-то показывал?

– Несколько стеклянных бутылей. Узкие, плотно закрытые сосуды. Заспиртованные препараты, какие не редкость в университете или в школьном кабинете биологии.

– Что за препараты?

– Сначала я не понял. В желтоватой жидкости плавали какие-то непонятные тела, очевидно, животных. Когда я спросил, он сказал, что это мышь. И морская свинка.

– То есть у него были препараты мыши и морской свинки?

– Вроде бы да. Но выглядели они совсем не так. У этих животных была... как бы получше сказать... какая-то пугающе искаженная форма.

– Искраженная?

– То, что он назвал мышью, совсем не было похоже

на мышь. Глаза чуть не вываливались из орбит, правая и левая стороны рта были расположены относительно друг друга не по прямой линии, справа и слева от носа видны какие-то выступы. Разрез рта гораздо больше, чем у обычной мыши, расходясь далеко вправо и влево, зубы расположены странно. Лапы с одной стороны короче, чем с другой, в некоторых местах на теле нет шерсти.

– Какая-то деформация в процессе развития?

– Я тоже так думаю. Морская свинка тоже представляла собой нечто подобное. Среди препаратов, которые он столь бережно взял с собой в путешествие на «Титанике», не было ни одного, выглядевшего как известные нам животные... Это единственный раз, когда я был в каюте Алексона. На столике из красного дерева играл луч вечернего солнца, падавший через иллюминатор. И в свете этого луча он, совершенно как ребенок, радостно хвастающийся своими игрушками, расставлял большие бутылки с препаратами, которые извлекал из черного чемодана, где они лежали, укутанные в толстый слой марли.

– Да, довольно странное увлечение. Действительно, подозрительный человек, – сказал археолог, явно заинтересовавшись рассказом.

– Выставив в ряд препараты, он взял в руки один из них, которым, видимо, особо гордился, и показал мне. Это была самая большая бутылка, содержимое которой меня поразило.

– Что там было?

– Алексон сказал буквально следующее: «Это человек будущего».

– Человек будущего?

– Да. «В будущем человечество будет выглядеть именно так, – изрек он уверенно, как мессия, обращаясь к пастве. – Наша проклятая цивилизация будет бесконтрольно развиваться – и в конце концов создаст таких людей».

– И что это было?

– Препарат младенца. Человеческого. Препаратов «людей будущего» у него было много, побольше и поменьше. Видимо, и только что родившиеся, и еще находившиеся в утробе матери.

– Но это были не обычные младенцы?

– Они совсем не походили на людей. У них были руки и ноги; они находились в привычной позе младенца, но выглядели как гротескные, болезненно искаженные куски плоти.

Археолог оставался все с тем же напряженным выражением лица.

– У некоторых младенцев были расколоты черепа, так что мозги вышли наружу. У одних они занимали почти весь объем бутылки, как раздувшийся воздушный шарик; у других, наоборот, в середине головы был провал, и лица не были похожи на человеческие. Глаза навывкате, губы странно вывернуты, будто растянуты в стороны, словно в не слышном нам крике.

– Где же он все это взял?

– Я спросил, но он не стал говорить. Только твердил, что это люди, что это истинный облик людей.

На этом писатель прервал свой рассказ.

– Да, люди собирают не только марки и старинные монеты, но и еще много чего.

Нил, Египет – 3

С тех пор прошло два года. Микул подросла и стала лицом и фигурой походить на взрослую. Она уже обращала на себя внимание мужчин из деревни, и некоторые за ней ухаживали.

Как-то ее отец отправился на рыбную ловлю и не вернулся. Рыбаки с другой лодки, ловившие вместе с ним, рассказали, что лодка перевернулась и отца унесло течением, но мать сказала, что его вынесло на берег. Она после этого ходила расстроенная и часто грустила одна.

Микул принесла в свое жилище ящик, в котором сидел Дикка, и использовала его как лежанку, но иногда подолгу в одиночку разглядывала картины на нем.

Там были дворцы, построенные из камня, перед ними танцевали женщины. Они были в головных уборах; на лбах, плечах и руках сверкали золотые кольца. Кольца были и на вскинутых в танце ногах. Их лица и одежды были невиданной красоты. Микул думала, что это, наверное, и есть то замечательное место, которое называется городом.

Однажды к Микул пришел незнакомый мужчина в такой же белой одежде, как Дикка. Он сказал, что Дикка прислал с ним письмо и деньги.

Микул не умела читать и попросила рассказать ей, что написано в письме. Мужчина сказал, что Дикка хочет с ней

увидеться и спрашивает, не собирается ли она в Гизу. А если собирается, пусть возьмет эти деньги на дорогу.

Микул спросила, что такое деньги, и мужчина объяснил, что за деньги можно получить все, что ей захочется.

Микул охватило волнение. Она ответила, что все это очень сложно – у нее здесь мама, ее нельзя оставить одну. Услышав это, мужчина сказал, что раз так, Дикка очень опечалится, и ушел.

После этого прошло пять дней. Мама Микул неожиданно сказала, что уезжает с острова – собирается замуж за мужчину с Большой земли. Микул удивилась, но она знала, что на острове и раньше бывали такие случаи.

– Ты очень симпатичная, и найдется немало мужчин, которые позаботятся о тебе. Счастье – как птица; его надо ловить, когда оно рядом.

И вот она села на корабль и уплыла. Микул осталась одна.

После этого деревенские парни стали соперничать за руку Микул, и двое даже пострадали в этих схватках. Стало ясно, что, если она и примет ухаживания кого-то из деревенских, дело миром не кончится. Девушек на острове не хватало.

Микул отправилась на причал и спросила у старика-сторожа, когда придет корабль. Выяснилось, что на следующее утро ожидается лодка с кукурузой, но она уйдет сразу же после разгрузки.

Еще старик сказал ей, что лодка пойдет в Пуке, в свой порт приписки ниже по течению. А когда Микул поинтере-

совалась, далеко ли оттуда до Гизы, сторож замолчал. Кажется, он погрузился в далекие воспоминания.

– А, Гиза... Есть такой город. Самое красивое место на земле. Но он очень, очень далеко. Нужно долго плыть по этой реке, почти до самого моря. Гораздо дальше, чем Пуке.

– Я хочу туда, в Гизу.

– Это долгое путешествие. Девушке в одиночку не по силам.

Микул настаивала, что все равно хочет туда добраться, и тогда старик предположил, что в Пуке должны быть корабли, направляющиеся в Гизу, и что там, уже на месте, нужно поискать такой корабль. А потом он сказал: «Если б ты была моей дочерью, я бы тебя ни за что не отпустил».

Ночью в своем доме, где она теперь осталась одна, Микул глубоко задумалась. Остаться на этом острове и выйти замуж за кого-нибудь из местных – или выбрать полное приключенное путешествие в Гизу?

Но как только она закрыла глаза, перед ее мысленным взором предстало красивое лицо Дикки, появившегося два года назад из ящика. А потом она представила лица мужчин из ее деревни. Не то чтобы кто-то из них был ей неприятен, но ей казалось невозможным выбрать кого-нибудь из них себе в мужа, хотя в последнее время ей все чаще предлагали это сделать. Все они нравились ей одинаково. Но не больше того. И только при воспоминании о Дикке в груди у нее что-

то сжималось и немножко хотелось плакать.

Так Микул решила ехать в Гизу. Встретиться с Диккой, а потом можно вернуться в деревню и выйти за кого-нибудь замуж.

Надев на безымянный палец левой руки кольцо с синим камнем, которое подарил ей Дикка, взяв привезенные мужчиной деньги, бананы и вяленую рыбу, Микул в своей самой любимой одежде ждала на причале, когда подойдет лодка с кукурузой.

Она поздоровалась с подошедшим стариком-сторожем.

– Ну что, все-таки решила ехать? – спросил тот, глядя на нее с обеспокоенным выражением на коричневом от солнца морщинистом лице.

Микул кивнула.

– В большом мире много нехороших людей, никогда не открывай душу незнакомцам. И поскорей возвращайся на наш мирный остров. – Старик похлопал ее по плечу.

В утренней дымке появилась лодка под белым парусом. Она шла против течения, так что двигалась не очень быстро. Пока подошла к причалу, прошло немало времени. С лодки бросили канат. Старик подхватил его и крепко привязал к стволу дерева.

– О, как удачно, сегодня тебе и девочка помогает? – крикнул лодочник в белой повязке на голове, заметив Микул. – Мы торопимся.

– Подбросишь эту девочку до Пуке? – спросил старик.

– Давай. Тогда помоги с разгрузкой.

После разгрузки Микул поднялась на борт. Парус был спущен. Солнце уже совсем поднялось, начинался очередной день под палящими лучами.

– Отдать швартовы! – прокричал лодочник, не обращая никакого внимания на взволнованную Микул.

Старик закинул канат через борт, лодочник оттолкнулся длинным шестом от берега, и лодка легко отошла от причала. Лодочник с грохотом кинул шест на дно, взял багор и принялся им орудовать. Он, несомненно, был уверен, что Микул уже не раз уплывала так с острова.

На самом деле девушка впервые в жизни оказалась на лодке, впервые в жизни расставалась с островом.

Едва она помахала в ответ старику, как остров стал удаляться. Некуда было спрятаться от бивших прямо в голову солнечных лучей. Откуда-то доносились птичьи голоса.

Остров становился все меньше и меньше. Шли вниз по течению, поэтому не было нужды ставить парус – лодка и так шла быстрее больших кораблей.

Скоро весь остров можно было охватить одним взглядом. Место, где Микул провела восемнадцать лет своей жизни с самого рождения... Постепенно он стал походить на какой-нибудь листок дерева, плывущий по поверхности реки. Это искренне удивило Микул. Мардху был для нее целым миром. Здесь она с детства играла, плавала, лазила по деревьям, пела песни, танцевала – и вот все это оказалось таким

крохотным местечком!

Напротив, река была очень, очень широка. Как же далеко от одного берега до другого! Вплавь перебраться никак невозможно. И как далеко протянулись эти берега! Сколько по ним ни иди, конца не видно. Иногда между деревьями, растущими на берегу, можно было увидеть нечто странное.

– Что это? – спросила она.

– Верблюды, – ответил лодочник.

Девушка знала это слово. Говорили, что люди на верблюдах путешествуют по суше, но Микул ничего не знала о животных. На Мардху не было не то что верблюдов – даже собак и кошек. Разве что иногда можно было увидеть птичек на деревьях или на крышах хижин.

По пути они разминулись с несколькими другими лодками. Каждый раз лодочники приветствовали друг друга зычными голосами. Все встречные лодки шли под белыми парусами. После того как, отойдя от острова, они вышли на середину реки, ветер постепенно усилился, и встречные лодки с туго надутыми парусами легко бежали против течения. Паруса хлопали на ветру.

Все лодки, идущие к верховьям реки, поднимали паруса. А тем, что, подобно лодке, на которой плыла Микул, шли вниз по течению, паруса были не нужны, их просто несла река. И никто на них парусов не поднимал.

Когда лодка приблизилась к берегу, ветер донес оттуда женские голоса. Они что-то пели. Микул разглядела на при-

брежной отмели группу полных женщин, которые, кто наклонившись, кто присев, стирали. Так, за стиркой, они и напевали все вместе.

Когда ее родные места совсем скрылись из виду, Микул захотелось плакать от грусти и волнения, вызванных мыслями о предстоящем ей долгом путешествии, но в мире за пределами ее островка было столько удивительного, что слезы сами собой исчезли. Она, как зачарованная, вертелась по сторонам, стараясь разглядеть все вокруг.

– Зачем ты едешь в Пуке? – спросил лодочник, который сейчас уже не был занят работой.

– Я не в Пуке еду, – ответила Микул.

– Тогда куда же?

– В Гизу.

– В Гизу? Это очень далеко, в самом центре мира... Надо плыть и плыть в сторону моря. Что ты там будешь делать?

– Хочу встретиться со знакомым.

– С родственником или еще с кем-то?

Микул немного заколебалась, но, решив, что не стоит волновать человека, просто кивнула. Слегка смутившись от того, что солгала, она перевела взгляд на далекие пейзажи и тихонько вздохнула.

Поднимая рябь на зеркальной поверхности воды, в отдалении плескалось несколько белых птиц. Запах раскаленной солнцем лодки и сухой парусины, принесенные ветром ароматы далекой земли и влажный запах воды смешались во-

едино. Этот незнакомый до сих пор запах был для Микул запахом внешнего мира. На Мардху везде был запах сырости. Она думала о том, что наконец вырвалась в большой мир. И ее снова охватило беспокойство, правильно ли она поступила. До сих пор ей и в голову не приходило, что можно выйти за пределы своего мирка. Она никогда не сомневалась, что останется там до самой смерти.

– Это хорошо, что у тебя есть там родня, – раздался голос лодочника. – Город – страшное место, девушке без знакомых одной туда ехать совсем не годится.

Все в один голос говорили ей одно и то же.

– А вы бывали в Гизе?

– Да, был один раз, – кивнул лодочник, – в молодости, еще мальчиком.

– И как там?

– Что сказать... – Лодочник вдруг рассмеялся. – Для нас, простых деревенских жителей, это рай, который невозможно и вообразить на земле. Центр мира. Самое красивое, блистательное место. Даже не верится, что на земле существует такой рай. Я тогда решил, что ни на шаг не двинусь оттуда. Но сейчас я думаю по-другому. У каждого из нас есть предназначенное ему место. Место, где человеку дано родиться и жить. Ты, может быть, не поймешь этого, но как бы ни очаровала тебя городская красавица, человеку из деревни не подobaет на такой жениться. Это несчастье для обоих. На красивых женщин лучше смотреть издали... Да, а ты знаешь,

на чем поплывешь в Гизу?

Микул помотала головой.

– Молодой девушке не стоит отправляться в такое путешествие... Ладно, я найду тебе подходящий корабль. Выберем хозяина, который не сделает тебе плохого.

– Большое спасибо. – Микул склонила голову.

* * *

После целого дня плавания, когда послеполуденное солнце стало клониться к Западу, они прибыли в Пуке. Микул увидела множество лодок, привязанных у причала, и по мере того как они приближались, ее сердце билось все сильнее. Ей предстояло впервые ступить на землю вдалеке от Мардху.

У причала толпилось много людей. У всех на головах были белые, черные или синие повязки. На Мардху такие никто не носил. Еще она увидела нескольких крупных верблюдов. С близкого расстояния казалось, что они упираются в небо, и становилось страшно. Стоял ряд шатров, сооруженных из нескольких бревен, на которые вместо стен и крыши была натянута грубая ткань. В них чем-то торговали. Еще в лодке Микул услышала зычные вопли торговцев из шатров, крики верблюдов, звонкий смех женщин. На Мардху не было такого количества людей, и подобный городской пейзаж она тоже увидела впервые. Ей казалось, что от всего этого у нее остановится дыхание. Направляемая умелым хозяином, их

лодка протиснулась между двумя такими же и с глухим ударом уткнулась в причал.

– Ого, быстро ты вернулся! – крикнул работник с причала. – И симпатичную девушку привез... Давай руку, красавица!

Он крепко взял протянутую руку Микул и с силой втянул ее на причал. Микул вскрикнула и упала на колени. Поверхность была непривычно твердой. Поднявшись, она, прихрамывая, перебралась с прибрежной скалы на песок, но и он был не мягче. В ногах было странное ощущение. На Мардху поверхность земли всегда была мягкой, а здесь каждый шаг отдавался ударом в коленях. Микул показалось, что эта земля не хочет ее принимать, и расстроилась.

– Девушка, можешь сегодня переночевать у меня дома. У меня там жена и много детей, так что нет нужды беспокоиться. Я сегодня же найду корабль, плывущий в Гизу, и завтра спозаранку сможешь поплыть. Если получится, послезавтра будешь на месте, – сказал лодочник. – Ну, пошли.

Он взял Микул за руку и повел за собой.

Кругом масса народу. Девушка впервые видела такую толпу, и от этого голова немного кружилась. Они шли, пробираясь между кричащих людей. С обеих сторон выстроились лавки, торгующие разным товаром. Торговцы наперебой что-то выкрикивали.

Отовсюду доносились незнакомые странные запахи. Она чувствовала, что может задохнуться от такого количества

людей. И ощущение от ходьбы не изменилось, вызывая боль в ногах.

– Сколько людей! – заговорила Микул. – Здесь всегда так?

– Всегда. Здесь ведь порт, приходят корабли из разных мест... Не видала раньше такого?

Микул кивнула; она, как зачарованная, оглядывалась по сторонам.

– А Гиза больше, чем этот город?

Лодочник засмеялся.

– Дорогая, да это всего лишь деревня. С Гизой и сравнить нельзя.

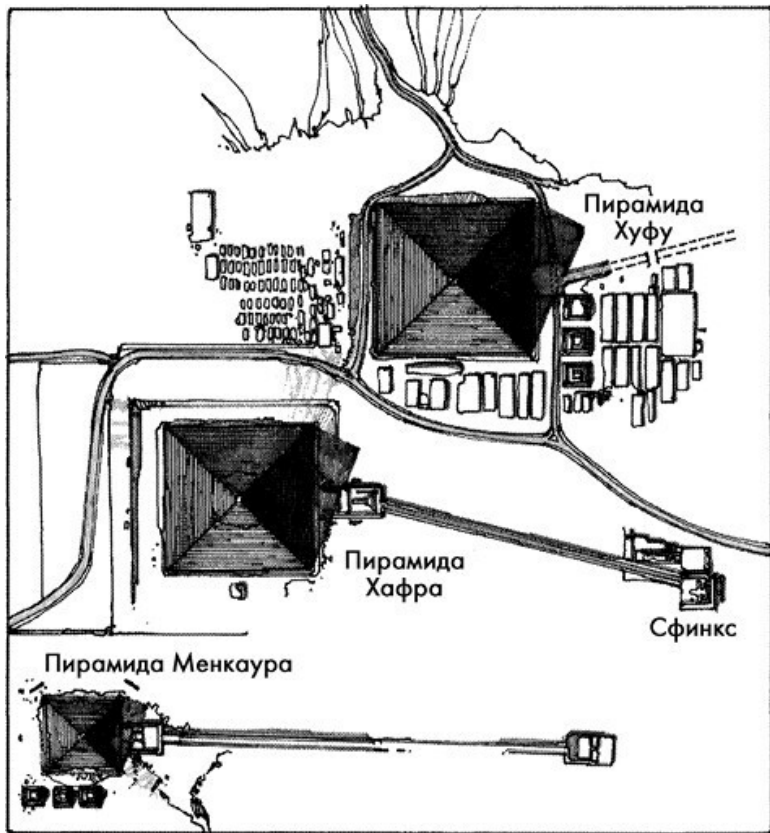
Микул, пробираясь сквозь толпу, широко раскрыла глаза от удивления. Такого она и представить себе не могла.

На Корабле – 3

– Трудно представить себе, сколько разного народу собралось на этом корабле... Да и понятно, ведь это своего рода пирамида.

Сказав это, археолог раскрыл толстую книгу в кожаном переплете.

– Это книга шотландского ученого Кеннета Киплинга, который перевел работу французского исследователя Франсуа Шувая, путешествовавшего в составе египетского экспедиционного корпуса Наполеона, и издал ее, добавив свои комментарии. Эта книга нравится мне тем, что она разрушает многие стереотипы. Кроме того, здесь на полях много моих собственных записей. Так с чего мы начнем? Какие ассоциации вызывает у вас, Вудбелл, слово «пирамида»?

– Треугольное сооружение из камня.

– Точнее будет сказать, четырехугольное. А где находится пирамида, о которой вы говорите?

– Недалеко от Каира...

– В Гизе?

– Да, я имею в виду ее. А много ли пирамид существует?

– Насчитывают несколько десятков. Сколько их точно, сейчас еще неизвестно. До сих пор никто не проводил систематических исследований. Под песками пустыни должно быть скрыто много полуразрушенных пирамид. Но обычно мы представляем себе три знаменитые пирамиды в Гизе, рядом с которыми стоит сфинкс с головой человека и телом льва. Сейчас в почти первозданном состоянии сохранились только эти три.

– Как вы думаете, Вудбелл, с какой целью сооружались эти пирамиды?

– Я думал, это усыпальницы царей.

– Да, это разумное объяснение. Оно, скорее всего, справедливо в отношении второй и третьей, то есть пирамиды Хафра⁴ и Менкаура⁵. Их с самого начала проектировали как усыпальницы фараонов, и как усыпальницы они и были построены. Не больше и не меньше. Но я считаю, что с первой пирамидой – фараона Хуфу⁶ – дело обстоит иначе. И не только я – некоторые другие ученые, обладающие достаточной смелостью, чтобы не бояться обвинений в отсутствии здравого смысла, считают так же.

⁴ В отечественной традиции более распространена другая, эллинизированная передача имени – Хефрен.

⁵ У нас имя в основном передается как Микерин.

⁶ Нам известен прежде всего как Хеопс.

– То есть вы утверждаете, что это не усыпальница?

– Нет. Я думаю, что фараон Хуфу, увидев уже готовую пирамиду, решил приспособить ее под свою гробницу. Или, возможно, уже после смерти фараона кто-то из его приближенных предложил использовать для захоронения царя каменное сооружение, которое перестали использовать.

– Я впервые об этом слышу.

– То, что пирамида Хуфу является усыпальницей царя – это не более чем самая разумная, спокойная и беспроблемная на сегодняшний день версия. Но, если говорить честно, на самом деле ведущие египтологи совершенно не понимают, что она собой представляет.

– Вы меня удивили. Это правда?

– Совершенно верно.

– Но ведь все три...

– Нет, не так. Тот факт, что рядом находятся не вызывающие сомнений усыпальницы Хафра и Менкаура, многих вводит в заблуждение. Из трех пирамид Гизы настоящей пирамидой является только одна – пирамида фараона Хуфу. Остальные две – фальшивки. Думаю, вполне вероятно, что они были сооружены гораздо позже в подражание стоящей рядом пирамиде Хуфу.

– Значит, все эти пирамиды были построены в разное время?

– По моему личному мнению, в разное. Вернее, время постройки пирамид Хафра и Менкаура отличается не сильно.

А пирамида Хуфу относится к другой эпохе.

– Вы говорите, пирамида Хуфу древнее?

– Да. Если точнее, то я предполагаю, что, весьма вероятно, нижняя половина пирамиды Хуфу относится к совершенно другому, более древнему периоду.

– Нижняя половина? Что это означает?

– Это моя собственная, несколько отличающаяся от других взглядов теория, и на ее объяснение потребуется много времени. Если совсем вкратце, мне представляется, что только у пирамиды Хуфу нижняя половина долгие годы использовалась сама по себе, имея форму некоего пьедестала с плоским верхом.

Джек Вудбелл потер руки и засмеялся.

– Извините меня. Сегодня такой удачный день! Я и не мечтал услышать такой уникальный, фантастический рассказ о пирамидах, которыми давно интересуюсь. И для чего же использовалась эта нижняя часть пирамиды?

– Честно говоря, даже не представляю, – ответил Уайт и тоже рассмеялся. – Я давно занимаюсь пирамидами и не предполагал, что приду к такому выводу. Сам удивляюсь. Но есть причины, заставляющие меня верить, что первоначально пирамида Хуфу существовала только в виде своей нижней половины.

Писатель, положив левую руку на подлокотник, некоторое время молча смотрел на археолога.

– И на Востоке, и в Мексике существует много каменных

сооружений такой формы. Они были и в Вавилоне, и в Индии. Эту же форму имеет пирамида ацтеков в Мексике. В Древней Индии возле такого сооружения поднималась каменная лестница, которая почему-то обрывалась на полпути. Некоторые говорят, что это древние обсерватории, но на самом деле никто не знает, какой цели они служили. Хочется предположить, что они как-то связаны с религией, но, сказать по правде, ученые просто убедили себя, что они были нужны для отправления каких-то неизвестных нам религиозных обрядов.

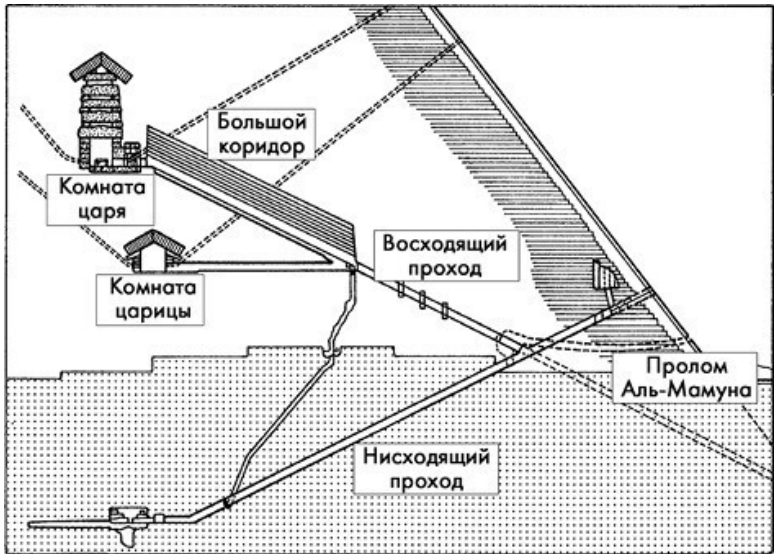
– Что-то вроде Вавилонской башни? – спросил писатель.

– Воистину! Ведь вполне можно вообразить что-то подобное этой богоборческой башне в столице Древнего Вавилона.

– Что же дает основание считать, что пирамида Хуфу принципиально отличается от двух других?

– Причин для этого много. Прежде всего то, что, помимо комнаты царя, там есть комната царицы. Древние египтяне, как и мы, считали, что территория мертвых находится под землей. Разбросанные по всему Египту царские могилы, включая знаменитую могилу Рамзеса Второго, находятся под землей. В пирамидах Хафра и Менакура камеры для гроба царя тоже устроены ниже уровня земли. Проход, ведущий от входа к камере с гробом, идет наклонно вниз. И это естественно. А вот в пирамиде Хуфу он ведет вверх под углом двадцать шесть градусов. И комната царицы, и комната царя относительно поверхности земли как бы висят в возду-

хе. Комната царя находится на целых пятьдесят ярдов выше поверхности. Это совершенно необычно. Подобных царских могил больше нет. Могила фараона Хуфу – единственная.

– То есть во всех других пирамидах погребальные камеры расположены под землей?

– Да. Можно это утверждать. Правда, есть и такие, где они находятся на уровне земли. Погребальные камеры в пирамидах Снофру, Сахура и Униса сооружены на уровне поверхности. То есть даже там, где камеры находятся высоко, они все равно не приподняты над землей. Только у Хуфу все от-

личается от остальных.

– Помнится, вы говорили, что пирамида Хуфу долго использовалась без верхней части.

– Да, говорил.

– Почему вы так думаете?

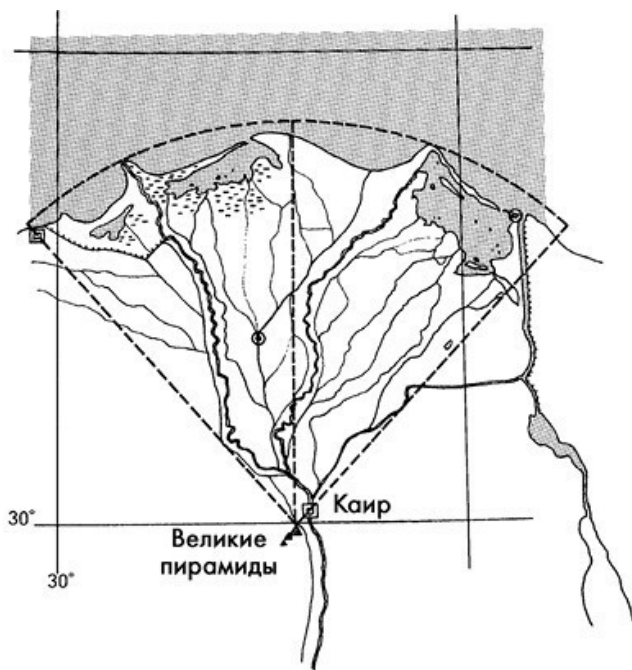
– Пол поднятой над поверхностью комнаты царя расположен на высоте тридцать пятого, если считать снизу, слоя каменной кладки. Только в этом слое камни толще остальных слоев на целых двадцать дюймов. Ясно, что этот слой имел какое-то особое значение. Кроме того, исследователи считают, что в процессе строительства этой пирамиды ее проект неоднократно изменялся. Если предположить, что с этого уровня пирамида надстраивалась в более позднее время, то это объясняет причины изменения проекта.

– Понятно.

– Такие вещи вовсе не редки на очень древних и почитаемых развалинах. Можно даже сказать, это бывает довольно часто. Например, Стена плача в Иерусалиме. Сейчас ее высота шестьдесят девять футов, или двадцать один метр, нижние семь рядов кладки из крупных камней относятся к периоду Второго храма⁷, следующие четыре ряда добавлены в Римскую эпоху, а самая верхняя часть кладки из мелких кам-

⁷ Период Второго храма длился с возведения этого храма (516 г. до н. э.) в качестве замены разрушенному вавилонянами Храму Соломона до его разрушения римлянами в 70 г. н. э.

ней – это уже мамлюкский Египет⁸. Ниже уровня земли находятся еще семь рядов кладки периода Второго храма. Многие колоссальные древние сооружения, которые мы видим сейчас, строились в течение долгих лет усилиями разных поколений.

⁸ В 1244 г. Иерусалим был захвачен султанатом Айюбидов со столицей в Каире, однако уже в 1250 г. династию Айюбидов свергло привилегированное сословие мамлюков, правившее до османского завоевания в 1517 г.

– Ясно.

– Или вот место расположения больших пирамид – как хорошо видно на этом плане, оно находится в словно циркулем определенном на карте центре дельты Нила.

Далее, Гиза, где находятся большие пирамиды, находится в точке с координатами тридцать градусов восточной долготы и тридцать градусов северной широты, и если сделать карту мира с центром в этой точке и провести через Гизу линии, делящие карту по диагонали, то общая площадь суши в правой верхней и левой нижней, а также в левой верхней и правой нижней частях карты будет одинаковой.

– Здорово!

– Есть вероятность, что для сооружения больших пирамид на Земле специально было выбрано такое место. Именно поэтому у меня есть сильное предчувствие, что в недалеком будущем настанет день, когда скрытое в пирамидах послание будет расшифровано – и сильно нас удивит.

Сказав это, археолог ненадолго прервал свою речь. Так, сидя молча, они оба чувствовали под ногами легкую вибрацию от машины этого самого роскошного в мире корабля. Наверное, они могли бы слышать и сам звук машины, напоминавший сердцебиение холодной Атлантики, но его перекрывала мелодия, доносившаяся из салона первого класса. Погрузившись в роскошную атмосферу курительного салона под веселые звуки кларнета, Джек Вудбелл и Уолтер Уайт

и думать забыли о том, что находятся посередине апрельского Атлантического океана. Казалось, что они сидят на диване в мужском клубе у Гайд-парка.

– А что изначально обозначает слово «пирамида»? – спросил писатель.

– Есть разные мнения. Самое распространенное сейчас состоит в том, что в этом слове «пир» взято от греческого «руго», что обозначает «огонь» или «жар», а «мид» произошло от «mesos», тоже греческого, имеющего значение «существующий» или «близкий к центру». Следовательно, слово «пирамида» значит «горящий в середине огонь».

– Горящий в середине огонь... В этом должен быть какой-то символический смысл.

– Наверное, тут подразумевается и «нечто блистательное». Может статься, греки переиначили на свой манер древнееврейское «урим мидден». Это значит «нечто светящееся».

– Как же их называли древние египтяне?

– Это загадка. Вечная загадка.

– Я слышал, некоторые называют пирамиды священным писанием в камне; что вы об этом думаете?

– Я знаю об этом. Первым мессианскую трактовку пирамид в духе греческой церкви предложил шотландец Роберт Мендис. Он утверждал, что большой коридор означает эпоху Христа, восходящий проход – эпоху Моисея. Но еще задолго до Мендиса исследователи Библии писали, что в ней

написано о «высшем смысле», присущем пирамидам. Они говорили, что во многих местах Библии аллегорически упоминаются пирамиды. Поэтому многие исследователи пирамид считают их каменной Библией.

– Как же так? Что могут сказать пирамиды о Христе, спасителе мира, который родился много лет спустя после их сооружения...

– Примерно двадцать два века спустя. Однако здесь есть кое-что, над чем не стоит смеяться.

– Где же об этом сказано в Библии?

– Например, в Книге Исайи, глава девятнадцатая, стих девятнадцатый, есть такие слова: «В тот день жертвенник Господу будет среди земли Египетской, и памятник Господу у пределов ее». Можно предположить, что, как «памятник», здесь было переведено слово «мастаба», как назывались в Древнем Египте захоронения царей в форме усеченной пирамиды. Поэтому нет никакой натяжки в том, чтобы понимать слово «памятник» как указание на пирамиду.

– Действительно.

– Считается, что и слово «жертвенник» имеет значение «памятник». Эта путаница проистекает из того, что в Библии говорится о двух различных видах жертвенников – для молитвы и для пророчеств, – и если читать Книгу Исайи с этих позиций, то получается, что где-то в центре Египта сооружен жертвенник, а неподалеку от него – совершенно отдельно – каменный памятник. Но фанатики исследования пира-

мид считают, что такая трактовка ошибочна и что в Библии два сооружения суть одно и то же.

– Несомненно, Гиза – политический и экономический центр Египта, и географически она расположена в точке, откуда начинается пустыня Сахара, так сказать, на рубеже.

– Действительно, так. Есть еще несколько мест, которые свидетельствуют об образной связи между пирамидами и Христом и трактуют о божественности пирамид; об этом в девятнадцатом и двадцатом стихах второй главы Послания к Ефесеянам говорится так: «Итак, вы уже не чужие и не пришельцы, но сограждане святым и свои Богу, быв утверждены на основании Апостолов и пророков, имея Самого Иисуса Христа краеугольным камнем».

– Любопытно... – Писатель задумался. – Получается, что между Библией и пирамидами есть связь; по крайней мере, это значит, что наша Библия была написана под влиянием существования этих огромных сооружений?

– Да, поэтому многие исследователи Библии стремились в Гизу и старались проникнуть в глубь пирамид по коридорам.

– И о чем же написано в этом каменном священном писании?

– О событиях, которые произойдут в нашей истории.

– То есть о том, что для нас уже в прошлом?

– Есть разные трактовки того, до какого момента истории простирается хронология пирамид, но многие исследовате-

ли считают, что в ней описаны события до сентября две тысячи первого года. То есть в данный момент то, что касается событий до четырнадцатого апреля тысяча девятьсот двенадцатого года, – это описание прошлого, но все последующее – уже о будущем.

– Так это же пророчество! – Глаза писателя округлились от удивления.

– Выходит, так. Получается, что пирамиды – это гигантская книга пророчеств, изваянная в камне, разве нет?

– И что же в ней написано? – Джек Вудбелл подался к собеседнику.

– Это вопрос трактовки. Есть разные версии, но единого мнения пока нет. Поэтому я, будучи всего лишь одним из исследователей, не могу выступать от имени всех, кто изучает пирамиды, но скажу, что до сих пор обычно весь восходящий проход делят на отрезки длиной в один дюйм, и, принимая дюйм соответствующим одному году, пытаются обнаружить какие-то откровения на стенах или потолке. Однако совсем недавно, в девятом году, канадец Уильям Либ из Торонто опубликовал брошюру, в которой изложил небезынтересное мнение, что каждый дюйм большого коридора следует принимать соответствующим одному месяцу. Тогда так называемые пророчества пирамид можно обнаружить простым линейным измерением.

– Я правильно понял, что восходящий проход соотносят с эпохой Моисея, а большой коридор – с эпохой Христа?

– Вы правы. Вот схема. Это наиболее подробная схема, и она немного сбивает с толку. От входа коридор идет вверх и переходит в восходящий проход, здесь начинается библейская эпоха; а когда он заканчивается, начинается большой коридор – это рождение Христа.

– Значит, наша история движется под углом двадцать шесть градусов? Ведь именно таков угол подъема восходящего прохода?

– Именно так.

– Двигаясь в сторону комнаты царя?

– Да.

– Тогда граница комнаты царя – это конец истории?

– Исследователи расходятся во мнениях – может быть, это просто конец хронологии, а может, и конец истории.

– Судя по схеме в вашей книге, эта хронология в камне начинается с Адама и Евы.

– Точка, где пирамида касается земли, это сотворение и падение Адама.

– Место входа соответствует Потопу. Таким же образом места поворотов соответствуют большим историческим событиям...

– Или важным поворотным моментам в Библии.

– В этом коридоре тоже есть знамения?

– По мнению пирамидологов, их можно увидеть.

– Каким образом?

– Например, не все камни одинаковы. В комнате царя

и в большом коридоре использовался гранит. По мнению пирамидологов, гранит – это священный камень и олицетворяет собой духовное, святое. А другие камни – это люди и их руки, то есть материальное измерение. То есть большой коридор и комната царя – это самый центр церкви, священное место, наподобие того, где совершают поклонение. Когда на самом деле идешь по этому восходящему проходу, пробираешься по нему, как по узкому лазу в погребу, сжавшись и склонив голову; а выйдя в большой коридор, с облегчением выпрямляешься, и тебя охватывает торжественное ощущение, как в храме.

– В большом коридоре высокий потолок?

– Очень высокий. Около восьми ярдов, почти семь метров. Высоко вверху можно увидеть плотные ряды камней, образующих потолок. По мере приближения к верхней точке камни с каждой стороны становятся меньше, и в самом верху они совсем маленькие. Это чрезвычайно загадочное пространство, как будто огромная расселина в скале. Попав туда, начинаешь понимать, почему пирамидологи уподобляют это место церкви.

– Понятно.

– Но существуют не только такие расплывчатые трактовки. Пьяджи Смит обнаружил конкретное указание в двух тысячах ста семидесяти дюймах, или пятидесяти пяти целых двенадцати сотых метра от места пересечения восходящего и нисходящего проходов.

– Какое указание? – спросил Вудбелл с нажимом.

– Простую линию, прочерченную вертикально под прямым углом к полу. До Смита ее никто не замечал. Сейчас пирамидологи утверждают, что эта линия соответствует двадцать первому марта две тысячи сто сорок первого года до нашей эры.

– И что же тогда произошло?

Уолтер Уайт поднял обе руки.

– Я не знаю.

– И какие предсказания относительно будущего записаны, начиная с этой точки?

– В части, соотносимой с тысяча девятьсот четырнадцатым – восемнадцатым годами, произойдут большие перемены.

– Четырнадцатым? Это через два года.

– Верно. Мы сами сможем проверить. А после этого огромные перемены предсказаны на тридцать шестой – сорок пятый годы.

– Огромные перемены?

– Время скорби и испытаний.

– Что это значит?

– Может быть, стихийное бедствие, а может быть, большая война. А дальше, согласно этим записям, с семьдесят девятого по девяносто первый, из-за изменений в земной коре изменится положение земной оси и мир сдвинется со своего места. С девяносто пятого по две тысячи двадцать пятый

годы появится новый вид человека, и будет построено «царство духов».

– Царство духов... – Озадаченный этим непонятным словосочетанием, Джек Вудбелл задумался.

– Наверное, нет смысла воспринимать это так прямолинейно. Все это проистекает из постулатов христианской цивилизации. Сейчас меня больше всего беспокоит не это.

– А что?

– Беспокоит пророчество, что в двенадцатом году кончится эпоха.

– То есть в этом?

– О том и речь. – И археолог мрачно кивнул.

Гиза, Египет – 4

Дом лодочника был не таким, как тростниковая хижина, в которой родилась и выросла Микул. Комнаты были отделены друг от друга надежными каменными стенами, потолок опирался на толстые деревянные брусья. Этого уже хватило бы, чтобы удивить Микул, но еще он был очень просторным, целых три комнаты. В доме Микул на Мардху не было отдельных комнат, он состоял из одного-единственного помещения. Но все-таки в семье было четверо детей, которые все время бегали по дому, и ни о каком покое нечего было и думать.

У детей была своя комната. Для Микул выделили отдельную, но в ней не было окон; каменные стены и надежный потолок не пропускали свет, поэтому когда закрыли занавеску на входе, в ней стало совсем темно, и она не могла заснуть от страха.

К тому же и стены, и постель, и весь дом казались очень жесткими. На Мардху, где она выросла, все было мягким. И опоры дома, и стены, и пол были сплетены из тростника, и даже дорожка снаружи – все как будто нежно обнимало жителей острова.

На следующее утро она в своей темной комнате и не поняла, что взошло солнце, но когда дети пришли ее будить, Микул уже сидела на постели.

Жена лодочника была очень добра, она принесла Микул бурдюк с козьим молоком и вяленой рыбы. Вся семья отправилась в порт проводить ее. Микул удивлялась, почему все говорили ей только об опасностях путешествия, хотя вокруг так много хороших людей.

Хозяин направлявшегося в Гизу корабля, с которым сговорился лодочник, был совсем еще молодым человеком и выглядел почти как мальчик. Звали его Камаль⁹. Поднимаясь на борт, девушка поздоровалась с ним, и в ответ он, не говоря ни слова, кивнул.

Она дала лодочнику деньги, которые оставил ей посланец Дикки, но тот удивленно взял лишь одну монету, а остальные вернул Микул.

– Не делай так, трать понемногу, – посоветовал он.

Когда корабль отошел от берега, семья лодочника все еще махала ей руками. Микул тоже долго махала в ответ. Владелец корабля хранил молчание. Судно уже вышло на середину реки и двинулось по течению, набирая скорость, но он так и не произнес ни слова. Молчаливый был юноша. На вид он был ровесником Микул. Судно его было загружено маленькими ножичками, дудочками и барабанчиками. Когда много позже она спросила про этот груз, он сказал, что везет все это своему знакомому в Гизе, у которого там магазин. Разговор

⁹ Здесь и далее автор использует некоторые имена, названия и понятия арабского происхождения, которых не могло быть в описываемый период истории Египта.

на этом и кончился. Лишь после долгого молчания он сказал, что на обратном пути повезет из Гизы в Пуке папирус.

Это было очень долгое и скучное путешествие. Юноша не был склонен разговаривать. Но он не выглядел плохим человеком.

Микул рассеянно смотрела на зеленые равнины, расстилающиеся по берегам Нила, на работающих там людей и животных. Солнце миновало зенит, когда Микул выпила козьего молока и поела вяленой рыбы, которые ей дала с собой жена лодочника из Пуке. Она предложила поесть и молодому лодочнику, а тот в ответ угостил ее фруктами и вяленой бараниной. Микул взяла одну из множества дудочек, лежащих на дне лодки, и попробовала подуть; тогда юноша, протянув руку, попросил дать дудочку ему.

Как только он приложил ее к губам, зазвучала очень грустная мелодия. Слушая ее, Микул вдруг подумала, что она чувствует настроение и мысли Камаля, понимает, как он жил и рос. Он ничего ей не говорил, но ей показалось, что Камаль достаточно рассказал этой мелодией.

Река текла тихо-тихо, и лодка Камаля так же тихо двигалась вперед, просто подчиняясь этому течению. Иногда из воды выпрыгивала рыба. Когда солнце стало склоняться к закату, как всегда, задул ветерок. И над всем этим разносились негромкие звуки дудочки Камаля.

Микул молча слушала, а потом протянула руку и подняла с полу маленький барабанчик. Постукивая по нему кончи-

ками пальцев, она некоторое время подбирала ритм, а когда это получилось, стала медленно подыгрывать дудочке, осторожно, чтобы не помешать мелодии.

Камаль, продолжая играть, некоторое время смотрел на Микул и наконец удовлетворенно улыбнулся. Звуки инструментов, на которых они играли, далеко распространялись над поверхностью Нила.

Когда солнце опустилось уже совсем низко и порхавшие в небе птицы начали возвращаться в свои гнезда, Камаль направил лодку к ближайшему берегу и причалил. Потом велел ей ложиться спать на носу. Сам он собирался лечь на корме.

Перед сном Микул решила взобраться на не знакомый ей темный берег. Там не было ничего примечательного, не видно было ни людей, ни животных, и только до самого горизонта, за которым едва скрылось солнце, расстилались пески. Девушка поняла, что это и есть та самая пустыня, о которой она знала только по рассказам. Прошло уже два дня, как Микул плыла вниз по Нилу, оставив Мардху, – и вот оказалась в этой неизведанной местности... Нил становился все шире, и сейчас, в сумерках, противоположного берега уже не было видно. Интересно, далеко ли еще до Гизы? Она впервые осознала, из какой дали приехал Дикка.

Покончив с приготовлениями ко сну, Микул вернулась на лодку Камалья, пробралась на нос и завернулась в парус.

– Послушай, сколько еще до Гизы? – спросила она, прежде чем улечься.

– Пока далеко, – ответил Камаль, – но если отплывем завтра с восходом солнца, то к вечеру должны быть там.

Размышляя, как же далеко еще плыть, Микул легла на спину прямо на жесткой палубе. Она ощущала, как покачивается корабль. Слышался плеск волн, ударяющихся о борт. На небе появилась россыпь звезд.

Глядя на них, Микул вспоминала мелодию, которую Камаль играл сегодня на дудочке.

Вспомнилось ей и улыбающееся лицо Дикки. Она никогда не забудет ощущение от его поцелуя перед самым прощанием.

Микул подумала, что очень приятно спать так, под открытым небом. В ее доме на Мардху звезды и луна всегда были видны между листьями тростника, покрывавшего крышу. Если звезд не видно, почему-то становится беспокойно, и никак не заснуть.

* * *

Она резко проснулась от прохладного дуновения, коснувшегося ее щек. Морщась от боли в спине после ночи, проведенной на жестких досках, приподняла голову. Над поверхностью Нила нависла дымка, только-только начинало светать.

Корабль все так же покачивало, откуда-то доносилось птичье пение.

Медленно привстав, девушка с некоторым трудом выбралась из-под паруса и присела на борт, беззаботно подставляя голову утреннему ветерку. Она старалась не раскачивать лодку, но, видимо, почувствовав ее шевеление, спавший на корме Камаль потянулся и тоже встал.

– Прости, что разбудила, – окликнула его Микул.

– Ничего. Это и к лучшему, я как раз хотел отплыть пораньше. Надо бы добраться до Гизы засветло.

Камаль умылся нильской водой, и, отшвартовавшись, они поплыли сквозь утренний туман. Только значительно позже медленно появилось солнце. Но, раз показавшись, оно с нарастающей мощью стало взбираться по небосклону.

Микул глубоко вздохнула и потянулась обеими руками, Камаль молился, повернувшись к светилу.

– Ты не поклоняешься солнцу? – спросил он.

Микул слегка смутилась.

– Бог солнца Ра в облике человека находится в Гизе, – пояснил Камаль.

Услышав это, Микул подумала, что надо выразить свое почтение богу, и помолилась.

Предстояло еще долгое-долгое путешествие, на весь день. Но это последний день пути. Душа Микул пела от мысли, что сегодня она окажется в Гизе, куда так стремилась. А там уж встретится с дорогим Диккой...

Может быть, он стал другим? Нет, он ведь уже взрослый и не должен особенно измениться с тех пор. «Это я изме-

нилась, – думала она. – И подросла, и фигура стала женственной... Понравлюсь ли ему я взрослая?» От этих мыслей Микул так разволновалась, что захотелось куда-нибудь спрятаться. «Если я не понравлюсь Дикке – все кончено. После такого долгого путешествия с Мардху... К тому же Дикка – единственный знакомый в Гизе человек. И если я ему не понравлюсь, то останусь в далеком неизвестном краю одна-одинешенька...»

Солнце поднялось высоко, тени исчезли. Лодка сильно нагрелась, и теперь от нее исходил специфический запах горячего дерева. Пришел полдень. Почувствовав голод, Микул снова выпила козьего молока и поела вяленой рыбы, поделившись с Камалем. Тот дал ей вяленой баранины.

По берегам опять широко расстилалась зеленая равнина. Среди этой зелени были видны неизвестные черные животные, которые медленно брели, подгоняемые людьми. Они не были похожи на верблюдов. На вопрос Микул Камаль ответил, что это волы. Он объяснил, что здесь земля по обоим берегам Нила принадлежит фараону, и так, с помощью волов, возделывают пшеницу.

Нил становился все шире. И вместе с этим на его поверхности становилось все больше лодок. Микул взглянула в сторону, куда показал Камаль, и чуть не вскрикнула, увидев огромный роскошный корабль, который с удивительной мощью шел вверх по течению.

Громадный корпус корабля венчала роскошная надстрой-

ка, похожая на дворец. На палубе были видны несколько человек, явно высокого положения, в дорогой одежде. В отличие от лодок, подобных тем, на которой плыла Микул, корабль выглядел очень энергично. С его бортов в воду были спущены длинные весла, которые ритмично двигались в такт громкой песни. Но гребцов видно не было.

Весел было несколько десятков. Корабль двигался с впечатляющей энергией. Все весла поднимались и опускались совершенно синхронно, в такт раздававшейся команде. Когда весла опускались в воду, слышался громкий всплеск. И такой же всплеск было слышно, когда они одновременно поднимались из воды.

Под лучами солнца корабль сверкал золотом. Весь его корпус был покрыт золотой краской. Присмотревшись, поверх нее можно было рассмотреть затейливые узоры.

Над кораблем был поднят белый парус, и на нем тоже были узоры и незнакомые Микул знаки. Они очень походили на узоры и знаки, виденные ею на деревянном ящике, в котором Дикку прибило к Мардху.

Микул смотрела, открыв рот. Она никогда раньше не видела такого большого красивого корабля. И никогда не видела, чтобы корабль шел так быстро, влекомый таким множеством весел. От его вида становилось страшновато, как от вида огромного неведомого чудища. Наверное, на таких кораблях должен плавать Ра, бог Гизы.

Большой корабль прошел мимо и постепенно растаял в да-

ли. Оставшиеся поблизости лодки по сравнению с этим большим и быстрым кораблем казались всего лишь листьями деревьев на поверхности воды. Придя в себя после захватившего ее зрелища, девушка почувствовала, как их лодка качалась на поднятых кораблем волнах.

– Это корабль из Гизы, – сказал Камаль.

– Какая красота! Каких только кораблей нет на свете! – откликнулась Микул и слегка улыбнулась Камалю.

– Многие рабы гребут на таких кораблях.

– Рабы?

Камаль объяснил ей, что значит это слово. И добавил, что они сами в любой момент могут стать рабами, хотя и неизвестно, когда.

Облик Нила, да и его берегов, сильно изменился – все стало куда оживленнее, чем до сих пор. Вокруг были не только поля, появились ряды домов. Лодок на реке заметно прибавилось. На реке неожиданно хорошо были слышны звуки с берега – разговоры и песни людей, крики верблюдов. Даже на лодке было понятно, что они приближаются к незнакомому Микул блистательному месту.

Девушка была под впечатлением от увиденного роскошного корабля, от оживленных звуков, доносившихся с берега, когда к ней обратился Камаль:

– Микул, у тебя глаза, как ночь.

Микул удивленно посмотрела на юношу и увидела, что его сверкающий взгляд устремлен на нее.

– У тебя огромные темные глаза. Они, кажется, полны неизбежной грустию. Но на дне этой темной ночи что-то сверкает. Сверкает страстью.

Микул не знала, что ответить, и молча смотрела на Камалю. Ее поразило, что он, не проронивший до сих пор ни слова, вдруг сказал такое.

– Ты красивая, очень красивая и милая, Микул. Город как точильный камень, он отшлифует тебя, и ты засверкаешь, словно драгоценность. Только внимательно меня послушай. Это вовсе не ради тебя самой, просто такова магическая сила города. Запомни хорошенько. В этом городе так продолжалось сотни лет, с тех пор как пришли люди с Востока. Он отшлифовал массу людей, украсил их, совершенно как жертву перед закланием, – а потом впился в их горло и стал пить их кровь. Никогда этого не забывай. Город, который ты увидишь сегодня вечером, захватит тебя своей неземной магией, но, даже опьяненная ею, помни то, что я тебе сейчас сказал. Это страшное место. Проклятый множеством людей, из которых он высосал кровь, город уже обречен на смерть. Время процветания прошло, грядет упадок. Но никто этого не замечает, и все стремятся сюда. И мы тоже. Не зная, что из нас выпьют кровь. Ты никому не должна показывать это кольцо с синим камнем, спрячь его куда-нибудь.

Микул послушалась этого совета, но спрятать кольцо было некуда, и она просто повернула его вокруг пальца так, что

камня не стало видно.

– Нужно сменить и твои сандалии, и одежду. По ним сразу будет понятно, что ты приехала издалека. Все, что тебе нужно, есть в лавке, куда я привез этот товар, так что доверься мне. Когда сойдем на берег в Гизе, не отходи от меня первое время.

Микул кивнула.

Кораблей и лодок вокруг становилось все больше. Были среди них и небольшие красивые лодки с навесом. Отовсюду доносились разные звуки – в основном музыка, игра на инструментах и пение. Музыка лилась не только с берега, она слышалась и с соседних лодок.

Чаще стали попадаться большие корабли, вроде того, который они уже видели утром. Когда они проплывали мимо одного из них, Микул подняла голову, и он показался ей громадным, как гора. Такие же корабли проплывали то с одной, то с другой стороны от их лодки. На их палубах тоже играла веселая музыка.

Голова Микул кружилась от этого мелькания и шума. Мужчины с небольших лодок, деловито шнырявших между крупных кораблей, заметив Микул, окликали ее. Ее сердце забилося чаще. На Мардху не было принято так запросто обращаться к незнакомым людям. Жесты и голоса окликавших казались ей изысканными. Их одежда и лица были не менее красивы.

– Ах! – невольно воскликнула Микул. Они выплыли из те-

ни большого корабля, и ее взгляду предстало что-то невероятное.

Таким во сне она видела рай. Большой голубой каменный дворец. Он стоял у самой кромки воды.

В глаза сразу бросились каменные стены до самого неба. На них были высечены или изображены красками красивые женщины и незнакомые ей животные, вроде тех, какие украшали ящик, в котором был заточен Дикка. Все это выглядело как гигантская картина в огромной раме. Две голубые стены, казалось, плыли над плещущейся водой.

Между стенами располагалась широченная каменная лестница; на верху ее стояли бесчисленные каменные колонны, образуя просторное, продуваемое ветром пространство. Каменная лестница вела от площади к самой воде. По обеим сторонам лестницы выстроились огромные скульптуры животных.

Как раз в это время множество людей таскали вверх по лестнице рыбу – гора ящиков с ней уже стояла на площади. На этой мощенной камнем площади у подножия колонн танцевала женщина в красивом наряде. Вокруг сидели люди и, подбадривая ее выкриками, хлопали в ладони. Среди толпы расположился и оркестр, исполнявший оживленную музыку. Музыканты играли на неизвестных Микул инструментах с красивым громким звучанием.

Лодка под звуки музыки медленно продвигалась к подножию этой каменной лестницы. «Вот он какой, город», – по-

думала Микул. И город этот показался ей похож на во много раз увеличенный красивый ящик, в котором она нашла Дикку.

Стоявший у края воды каменный дворец был не единственным. Вдоль реки стояли еще несколько дворцов, и дальше, за их колоннадами, без края виднелись еще и еще каменные дворцы.

На танцевавшей во дворце женщине была красивая темно-красная юбка, на плечи накинута светло-голубая шаль.

Музыка все приближалась. Она слышалась не только с берега, но и с плывущих рядом кораблей. Однако музыка с каменной площади, где было много народа, звучала громче и ярче всех.

Микул плыла стоя. Она теперь знала, что город всегда наполнен музыкой. Сердце ее сильно билось, и не было никакой возможности спокойно стоять на месте.

Лодка со стуком уперлась в лестницу, с обеих сторон к ней подбежали молодые люди. Камаль что-то громко сказал, но Микул не услышала. Она ухватилась за протянутую руку и ступила на каменную лестницу.

Камень был твердым и прохладным. Но ощущение от него было совсем не такое, как в Пуке. Лестница была тщательно отполирована, ее ступени уходили глубоко в реку, но и там их было хорошо видно в прозрачной воде.

Микул, почти теряя сознание, пошла вверх по ступеням. Эта лестница вела в рай. Круг танцующих приближался.

– Ах! – снова воскликнула Микул.

Танцевавшая босиком на каменных плитах женщина была невиданной красоты. Глаза ее были подведены черным, веки подкрашены коричневым, поверх этого сверкали блески золотой пудры. Между красивыми, правильной формы губами сияли белые зубы. Время от времени она что-то напевала.

На лицах наблюдавших за танцем мужчин тоже было немного косметики.

Молодые мужчины показались Микул похожими на женщин, только немного повыше ростом – очень уж красивыми выглядели. Глядя на танцовщицу, они иногда улыбались, показывая белые зубы.

За спинами толпы лежал каменный город. Солнце немного склонилось к закату, и косые лучи солнца падали на широкую мощеную улицу. Камни мостовой сверкали под заходящим солнцем. По улице гуляло много красивых людей.

Микул впервые видела улицу, выложенную камнем. Но кроме этого, ее взгляду предстало еще много удивительного. И прежде всего – бесконечные вереницы каменных домов, протянувшиеся по обе стороны мостовой. Она никогда не видела таких красивых зданий. Все дома в этом городе имели строго прямоугольную форму и были построены аккуратно и тщательно, как тот деревянный ящик.

Вход в каждый дом был обрамлен красивым цветным узором и скульптурными украшениями, а если присмотреться, можно было увидеть и резные символические знаки. И все

дома в этом городе напоминали ей ящик, в котором она нашла Дикку. Над входами были устроены небольшие матерчатые навесы от солнца. Они были сделаны из разноцветных красивых тканей. Поэтому все дома казались Микул маленькими сияющими дворцами. Эти выстроившиеся рядами дворцы не поддавались счету. Они стояли друг за другом, насколько хватало взгляда.

А прямо перед собой она увидела нечто поразительное, от чего замерло дыхание.

Гигантское, огромное настолько, что голова шла кругом, сооружение, напоминающее платформу.

Она подумала, что люди не могли такое построить. Наверняка это творение Ра, бога солнца, о котором недавно рассказывал Камаль.

Ведь сооружение это замыкало собой улицу из каменных домов и, казалось, закрывало полнеба. Своей громадой оно упиралось в небосвод. Солнце как раз готовилось спрятаться за него. Не в состоянии оторвать от него взгляда, девушка так разволновалась, что на глазах выступили слезы.

На его ровной платформе вечернее солнце лежало, как некий плод на подносе. Наверное, в направлении этого заходящего солнца и построили каменную лестницу.

Почему? Каким образом здесь появились эти невероятные вещи? Да, все так и есть, как рассказывали люди. Город – это действительно необыкновенное место. От этих мыслей Микул почувствовала дрожь во всем теле.

Оглядываясь по сторонам, она посмотрела перед собой и увидела впереди слева громадную скалу. Непохоже, чтобы ее специально соорудили, она была здесь от природы.

– Это Львиная скала, – подсказал ей мужской голос. Обернувшись на него, Микул увидела стоявшего рядом Камалю. – Хочешь, подойдем поближе? Она – символ этого порта. Видишь, какая у нее необычная форма, напоминает спящего льва...

Микул согласилась, и они пошли к скале.

Вокруг скалы построек не было. Они прошли по мощной дороге, ведущей от порта в окружении дворцов, и приблизились к скале, стоявшей на песке, чуть ниже уровня дорожных плит. У подножия скалы лежало множество мешков с фруктами и зерном. С дороги они увидели двоих мужчин, которые, опираясь спинами на эти мешки, играли на арфах.

– Ну что, смотри, Микул, похожа эта скала на спящего льва? Вот там голова – видишь, круглая?

Действительно, казалось, что кто-то положил сверху на скалу огромный шар. В нижней части он несколько сужался, подобно шее, а потом скала снова становилась шире. И впрямь похожа на спящее животное, которое случайно создала природа.

Только вот Микул не представляла себе, как выглядит лев, и сказала ему об этом.

– Он похож на кошку. На громадную кошку, – пояснил Камаль. Но Микул толком не знала и про кошек и спроси-

ла, похожи ли они на буйволов, которых она видела с лодки по дороге сюда.

– Вон, смотри, – сказал Камаль и показал в сторону мощеной дороги. Ее как раз неторопливо переходило маленькое животное на четырех лапах.

– Это кошка? – спросила Микул. Она сообразила, что, устроившись спать, кошка примерно так и должна выглядеть.

Обойдя вокруг Львиной скалы, они пошли по Гизе. Микул впервые шла по мощеной дороге и также впервые слышала звук собственных шагов.

Весь город наполняли песни и танцы. В сознании Микул они тоже были частью города. Она подумала, что город – это место, где много музыки.

Солнце зашло, каменный город погрузился в сумерки, из окон каменных домов сверкали отблески факелов. Это выглядело красиво, как во сне.

– Микул, ты не проголодалась? – спросил Камаль. Девушка рассеянно кивнула, и он, взяв ее за руку, повел в один из домов.

Войдя внутрь, они попали в комнату, наполненную дымком, где незнакомо, но приятно пахло. Пройдя через комнату, они оказались во внутреннем дворике, ярко освещенном факелами. Неожиданно Микул услышала веселую музыку. Здесь тоже царил музыка, а в углу двора на возвышении танцевали две красивые женщины. Они были почти

без одежды. Казалось, что этот танец в клубах белого дыма и свете факелов она тоже видит во сне.

По сторонам сцены несколько человек играли на музыкальных инструментах. Флейтист иногда переставал играть и громко пел.

По всему двору стояло множество столов, и Камаль усадил ее за один из них, в самом дальнем ряду. Повсюду вокруг сидело множество людей.

Приятно было почувствовать прохладу камня, оперевшись локтями на стол. Девушка вся горела от возбуждения. Она подумала, что в городе все сделано из камня.

– Что будешь есть? – спросил Камаль, и только тогда Микул сообразила, что сюда приходят поесть. Сначала она было решила, что тут показывают танцы.

Девушка помотала головой. Она не знала, как называется городская еда, и, не обученная грамоте, не могла прочесть названия блюд, развешанные по стенам из саманного кирпича¹⁰, которые выхватывал из темноты свет факелов.

Пока она осматривалась, на каменном столе появились деревянные сосуды. В свете факелов Микул разглядела в них какую-то красную жидкость. Она взглянула на Камалья, и он сказал, что это надо пить. Попробовав, она ощутила очень сладкий опьяняющий вкус.

Потом на золоченом блюде принесли мясо, жаренное

¹⁰ Саманный кирпич – глиняный кирпич-сырец, упроченный растительными добавками: соломой и пр.

на вертеле, и большой мягкий хлеб.

– Шиш-кебаб¹¹, – сказал Камаль. Микул впервые видела и шиш-кебаб, и золоченое блюдо.

– Ты откуда, девушка? – спросил сидящий поблизости мужчина, стараясь перекричать громкую музыку.

– Мардху, – ответила она.

– Мардху? – На его лице отразилось сомнение.

– Это далеко вверх по течению Нила, – пояснила она.

– А, я слышал, – сказал он. Затем предложил ей свою большую трубку и выдохнул клуб белого дыма. Микул наконец поняла, откуда взялся этот белый дым в комнате и во дворе.

Камаль пытался ее остановить, но Микул, не обращая на это внимания, вдохнула – и чуть не задохнулась. Вкус ей не понравился, но запах был неплохой.

Когда, поужинав, они с Камалем вышли на улицу, высоко в небе сияла полная луна. Каменный город сверкал, залитый синим светом.

Повернули на немощеную улицу, но Микул все равно слышала звук своих шагов. Сеть улиц походила на лабиринт, бесконечно тянувшийся со своими поворотами направо и налево. По пути иногда попадались лавки под открытым небом, беседовавшие о чем-то компании стариков.

Вышли на главную улицу. Прохожих стало меньше. Но все же у некоторых домов горели факелы, и под навесами

¹¹ Шиш-кебаб – то же, что шашлык, буквально «мясо, жаренное на вертеле».

от солнца все еще чем-то торговали. Дома, показавшиеся ей сначала дворцами, оказались лавками, где продавали разный товар. Микул удивлялась и роскоши городских лавок, и тому, что они не закрываются даже ночью. Она была уверена, что с наступлением темноты все ложатся спать.

В конце улицы все так же возвышалась гигантская платформа. В лунном свете четко вырисовывался ее черный силуэт. Над ним белым светом блистала луна.

– Что это?

– Зиккурат, – объяснил Камаль, – место, где обитает бог.

Микул сделала несколько шагов к этому огромному сооружению. Ноги ее ступали неуверенно.

– Ноги не слушаются.

– Это потому, что вина выпила.

– Вина?

– Да, вина. Это такой напиток, который дает людям хорошее настроение. Вон те люди тоже пьяны от вина.

По обе стороны мощеной улицы, на которую указал Камаль, там и сям сидели люди. Подойдя поближе, можно было услышать, как они напевают себе под нос какие-то грустные песни. На Мардху ей не приходилось видеть, чтобы кто-то себя так вел.

– Хочешь, пойдем к зиккурату? – спросил Камаль.

Микул согласилась.

– А эти люди кто?

На каменные стены домов опирались темные фигуры.

Они тоже были повсюду. Разные женщины, и толстые, и худые.

– Шлюхи, – коротко ответил Камаль.

– Что это – шлюхи?

Этот вопрос, похоже, привел его в затруднение. Он не отвечал. По такому его поведению Микул примерно догадалась о занятии женщин. Она не могла поверить, что женщины могут делать это ради денег.

Чем ближе они подходили к зиккурату, тем больше он становился, тем выше поднимался над ними во мраке. Как огромная гора. Вблизи он был так бесконечно громаден, что Микул почувствовала страх.

Неожиданно они вышли к широкой реке. Берег ее порос высокой травой, из которой слышалось стрекотание насекомых. Белая луна отражалась в поверхности воды. На противоположном берегу реки было видно каменную стену поразительной высоты. Стена тянулась вдаль и, по-видимому, окружала зиккурат. И широкая река делала здесь петлю параллельно стене.

Через реку был перекинут мост, а за ним стояли крепостные ворота с горящим рядом костром. Костер и луна очень красиво отражались в реке. Чтобы попасть к зиккурату, надо было преодолеть мост и пройти через ворота на территорию, огороженную стеной.

Со страхом добравшись до середины моста, Микул увидела, что костров оказалось два, по одному с каждой сто-

роны ворот, а рядом с ними на песке стояли двое стражников. В руках они держали длинные копья; на головах их были странные уборы с вырезами над ушами.

– Что здесь? – спросила Микул.

– Вход в дом царя. Там, в глубине, живет бог Ра. Близко подходить запрещено.

– Значит, Дикка наверняка там.

От этих ее слов глаза Камаля округлились.

– Ты сказала Дикка?

– Да, мой знакомый.

– То есть ты приплыла сюда для того, чтобы встретиться с Диккой?

– Ну да! Ты его знаешь?

– Это второй сын фараона.

– Как это?

– Он сын бога. Ты ничего не путаешь?

– Я толком не знаю. Но ведь это самый большой дом в Гизе?

– Да, это так...

– Я сейчас спрошу у этих людей.

– Не вздумай – опасно.

Несмотря на слова Камаля, Микул перешла мост и приблизилась к стражникам. Костры громко загудели от налетевшего порыва ветра. Этим звуком они, казалось, хотели отпугнуть пришельца.

– Здравствуйте, – окликнула Микул стражников, – Дикка

здесь живет? Я хочу с ним увидаться.

Потом она сняла с безымянного пальца левой руки кольцо с синим камнем и протянула его стражнику.

Высоченный стражник выглядел свирепо. Он помолчал, потом неторопливо взял кольцо и внимательно рассмотрел его, подставляя под отблески костра и луны. Наконец выражение его лица изменилось, и, велев Микул подождать здесь, он оставил своего напарника и ушел за ворота.

Услышав звуки шагов по песку, девушка сообразила, что сзади осторожно подошел Камаль. Микул подозвала его жестом.

– Я познакомлю тебя с Диккой – он очень хороший человек, – сказала она.

– Микул, мне хотелось подольше побыть с тобой, погулять вместе...

– Конечно, мы погуляем, – ответила она.

– Ты мне нравишься. Что бы ни случилось, не забывай то, что я говорил тебе на лодке. Я останусь жить в Пуке. Но иногда буду привозить в Гизу товары и зерно.

Все это он сказал совершенно неожиданно. Микул с сомнением посмотрела на Камалья. Пламя костра придало его лицу красноватый оттенок.

– Эй, сюда! – крикнул вернувшийся стражник. В руке он держал факел. Как только Микул подошла, копье второго стражника опустилось за ее спиной.

– Тебе нельзя, только она, – сказал первый стражник

и свободной рукой потянул за собой Микул.

– Нет, нет, он вместе со мной! – закричала Микул. Но стражник молчал. Он тянул ее за собой, тяжело ступая по песку. Девушка оглянулась и увидела Камалю, путь которому преградило копьё. Подняв правую руку, он прокричал ей вслед:

– С тобой было здорово! Завтра я возвращаюсь в Пуке! Надеюсь, мы еще встретимся там!

Стражник тянул Микул за руку, но она все продолжала смотреть на отдаляющуюся фигуру Камалю. Однако люди, находившиеся с внутренней стороны стены, закрыли ворота, и он быстро пропал из виду.

Крепость, через которую ее тянули за руку, оказалась очень просторной; всюду стояло множество колонн. Освященный светом факела, который нес охранник, вход в крепость остался позади. Повсюду горели костры, вокруг было много мужчин в шлемах, вооруженных копьями и мечами. На них были одинаковые новенькие одежды, и Микул сообщила, что это солдаты. В руках они держали факелы.

Ее провели в комнату, вход в которую прикрывал легкий занавес, колеблющийся от ночного ветра. Пол был выложен полированным камнем, и шаги ступавшей по нему Микул отражались эхом от стен и потолка.

Стражник указал ей на каменную скамью, устроенную в углу. Она должна была подождать здесь.

Сев, девушка почувствовала холод камня, ощутила запах

масла, горящего в небольших светильниках на стенах, и слабое гудение огня. Тот приятный аромат, который привлек ее внимание в лавке, где они ужинали с Камалем, исходил, наверное, от дымящихся благовоний – их использовали, чтобы заглушить запах горевшего в факелах масла.

Всю поверхность стен в комнате занимали нарисованные на них картины. Лодки, плывущие по Нилу, разнообразные животные, птицы, нарядные женщины. В этом городе повсюду была музыка и красивые росписи. И вкусная еда, роскошные фрукты, красивые люди...

Занавес на входе резко поднялся. Вошел, слегка наклонившись вперед, красивый мужчина в белой чистой одежде и направился к Микул прямым, уверенным шагом.

– Микул, это правда ты? – произнес мужчина.

Девушка встала со скамьи.

– Дикка...

Тот ничем не походил на того ослабевшего юношу, которого она знала. Четкие движения, абсолютная уверенность в себе, ощущающаяся в каждом жесте.

– Микул, – еще раз произнес Дикка, взял ее за руку и неожиданно обнял. Потом, слегка отодвинувшись, положил руки ей на плечи и, наклонившись, посмотрел в лицо. – Дай мне тебя рассмотреть хорошенько... Какая ты стала красивая! Добро пожаловать!

У самого Дикки было гладкое загорелое лицо, правильной формы нос, блестящие вьющиеся волосы.

– Микул, дорогая чистая Микул, как же мне хотелось тебя увидеть! Здесь у всех души прогнили... Ты посмотрела город?

– Да, он очень красивый.

– Нет, Мардху гораздо красивее... Пойдем, я покажу тебе крепость.

Дикка повел Микул за руку. Откинув занавес, они ступили на песок внутреннего двора. Пройдя немного, снова вошли в каменный коридор. Его каменные стены уходили вдаль.

Неужели это дом? Он выглядел, скорее, как город под крышей. Повсюду горели костры, и коридор все продолжался, как лабиринт. Они снова попали во внутренний двор. Дикка подошел к одной из дверей и открыл ее, позволив заглянуть внутрь комнаты.

– Смотри, здесь хранится зерно. Эти мешки набиты ячменем.

Мешки заполняли всю просторную темную комнату от пола до потолка.

– Эту часть крепости занимают склады. Здесь ячмень и пшеница. Там овощи и фрукты. Оливки, инжир, кукуруза – здесь есть любые плоды. Что-то привозят издалека, что-то растет в крепости. Доставляют по Нилу в лодках на пристань, которая за этой стеной. Там, в глубине, разные масла – и сливочное, и растительные... Ах да, чуть не забыл! Это кольцо принадлежит тебе.

С этими словами он снова надел ей на левую руку кольцо с синим камнем, которое она отдала стражнику у ворот.

– И еще. Дарю тебе это кольцо с зеленым камнем. Таких в нашей стране пока нет, эту редкость привезли с Востока. – Взяв руку Микул, он надел ей на палец кольцо.

– Дикка, я забыла сказать, что хотела...

– Что же?

– Я тоже очень желала увидеться.

– Правда?.. Какая ты добрая! Трудная была дорога?

– Длинная. Но сейчас мне кажется, что ничего особенного.

– Микул, я сделаю все, чтобы ты не пожалела об этом. Вот, посмотри...

Дикка открыл другую дверь. В темной комнате стояло множество столов.

– Это школа. Здесь люди учатся читать и знакомятся с мыслями мудрецов. Все, кто занимает важное положение в этом замке, учились тут. Я считаю, что талантливые женщины тоже должны получать образование. Ты ведь хочешь научиться читать?

– Хочу.

– Хорошо, завтра начнешь здесь учиться. Есть классы для простых горожан, но я определю тебя в отделение для знати.

– Выучиться читать трудно?

– Просто. Но это только начало. С твоей головой ты быст-

ро научишься читать надписи, которые повсюду встречаются в Гизе. А вот дальше – безграничные глубины... Пойдем со мной.

Дикка подвел ее к еще одной двери. Среди других она выделялась размерами и украшавшей ее богатой резьбой. По обеим сторонам стояли грозные охранники. Увидев Дикку, они моментально преклонили колени. Дикка открыл дверь.

– Микул, заходи сюда.

За дверью был какой-то особый запах. Немного похожий на запах земли или пыли, это был запах старинных вещей.

– Вот здесь и находится мозг Гизы. Правда, ночью, в темноте плохо видно. Это называется библиотекой. В нашей крепости она не единственная. Посмотри сюда.

Дикка достал с ближайшей полки камень, такой большой, что его едва можно было удержать в руке. Он имел скругленные углы и формой напоминал расплющенное яйцо.

– Это глиняная табличка. Посмотри на ее поверхность.

Поверхность эту плотно покрывал мелкий узор из вмятин. Строки из больших и маленьких заостренных треугольников были вырезаны по всей поверхности.

– Это неизвестная нам восточная письменность. Кладовая драгоценных знаний, которые оставили нам далекие предки с Востока. То, что здесь записано, гораздо глубже и обширнее наших сегодняшних представлений. И весь этот город, и зиккурат, который ты видела сегодня, созданы на базе этих

знаний. Говорят, на Востоке на вершине такого же гигантского, как наш, каменного зиккурата сооружены огромные висячие сады.

Дикка бережно вернул табличку на полку.

– А там папирусы, на них написаны знакомые тебе наши иероглифы. – Он показал на другую полку. – Так вот, судя по папирусам, там, где мы сейчас стоим, раньше был остров посреди озера... В этой комнате есть все что угодно. На разных языках написано обо всех тайнах мира, которые открыло человечество. Здесь можно узнать о самом разном – о жизни, о человеческой глупости, о страстях и желаниях, а еще о загробном мире, обо всем, что есть на земле и на небе. Разве это не прекрасно, Микул?

Девушка, подавленная этими словами, медленно кивнула.

– Этот мир полон загадок. Почему мужчина тянется к женщине? Откуда приходит ветер? Куда исчезает заходящее солнце? В какой мир попадает человек после смерти, может ли он возродиться вновь? А если может, то когда? Ты взволнована, Микул?.. В этих книгах все это есть. Здесь, в темноте, они, затаив дыхание, ждут часа поделиться с нами своей мудростью. Ведь что такое история? Выжившие цивилизации, исчезнувшие цивилизации – вот что это такое. Сокровищница уроков, которые нужно извлечь. Но для этого нужно изучить множество языков. Среди них и языки погибших цивилизаций. Клинопись, которую ты сейчас видела, – это шумерское письмо, ассирийское письмо, вавилон-

ское письмо. Чтобы овладеть знаниями предков, надо знать все эти языки. Пойдем, Микул. Ты снова вернешься сюда, когда окончишь школу и научишься читать.

Они покинули библиотеку и пошли по песку внутреннего двора.

– Вон то здание – ткацкая мастерская. Там – изготавливают оружие, а дальше – глиняную посуду. Все эти ремесла пришли к нам с Востока. Это тоже своего рода великая школа, Микул. С завтрашнего дня ты будешь здесь учиться. Набирайся побольше знаний. А теперь я покажу тебе твою комнату.

Дикка повернулся и пошел вперед. Торопясь за ним, Микул повернула голову. В белом свете полной луны возвышался огромный зиккурат.

На Корабле – 4

В 11:45 утра 14 апреля капитану Эдварду Смиуту, находившемуся на мостике «Титаника», принесли телеграмму с парохода «Балтика». Ее принес первый помощник Уильям Мердок.

Взяв ее, капитан быстро пробежал текст глазами. В телеграмме значилось следующее: «Поступило сообщение, что сегодня греческий пароход “Афины” в точке 41° 54’ СШ и 49° 52’ ЗД наблюдал айсберг и многочисленные ледяные поля. Желаю успеха “Титанику”».

Уильям Мердок продолжил доклад:

– Кроме этой телеграммы, сорок минут назад голландский пароход «Ноордам» прислал из той же точки предупреждение о большом количестве айсбергов. Такое же предупреждение поступило сегодня в девять утра от парохода «Карония» компании «Кунард». Вчера мы также получили предупреждение о плавучих льдах от парохода «Раппаханнок». Этот пароход получил пробоину при прохождении льдов.

– Надо же... – Капитан сложил телеграмму и спрятал в нагрудный карман. – Тебе еще что-то нужно? – спросил он, глядя на стоящего по стойке «смирно» помощника.

– Прошу извинить, но мне кажется, стоит проявить осторожность, – ответил тот.

– Во льдах в апреле нет ничего удивительного, – негромко

сказал Смит, глядя вперед. С мостика было видно морскую поверхность, блестящую, как зеркало под апрельским солнцем. Никакой дымки. Мердок подумал, что никогда не видел такого спокойного моря.

– И все же мы идем почти на полной скорости, – пробормотал помощник.

– Ты хочешь, чтобы лучший корабль Британии метался, как мышь? – спросил капитан уверенным басом. Мердок поклонился и сделал поворот кругом.

Вскоре после этого диалога капитан Смит ушел с мостика пообедать. Послышался звук трубы, возвещавшей о приближении времени обеда.

Идя по прогулочной палубе, он встретил владельца компании «Уайт Стар Лайн», инициатора строительства «Титаника» Брюса Истмея. Они некоторое время стоя разговаривали в этом уединенном месте, куда доступ был разрешен только пассажирам первого класса.

Истмей поинтересовался условиями плавания. Капитан заверил его, что все в норме. С полудня субботы до полудня воскресенья корабль прошел 546 морских миль. Это рекордное расстояние, пройденное за один день плавания.

Исмей предложил завтра хоть на короткое время развить максимальную скорость 23 узла. Капитан Смит кивнул. Когда он так кивал, окружающие обычно воспринимали это как непререкаемое решение, принятое высшим авторитетом.

Эдварду Дж. Смиуту было шестьдесят два года, и первое плавание «Титаника» стало кульминацией его блестящей карьеры в компании «Уайт Стар Лайн». После успешного завершения этого путешествия он должен был уйти в отставку с церемониями, подобающими его достижениям. Импозантная фигура, усы с проседью и бакенбарды на щеках, неторопливые манеры и спокойная речь – все вселяло в окружающих уважение и уверенность.

Они поговорили и о погоде, которая долгое время оставалась спокойной. Прогноз на 14 апреля 1912 года не представлял опасности для капитана с большим атлантическим опытом. Почти попрощавшись, капитан передал Исмею телеграмму, которую он только что получил от старшего помощника. Исмэй небрежно сунул ее в карман.

В этот момент айсберг находился примерно в 250 морских милях впереди «Титаника».

Потом в 13:45 на «Титанике» получили телеграмму с немецкого корабля «Америка», в которой снова сообщалось об айсберге в точке $41^{\circ} 27' \text{ СШ}$ и $50^{\circ} 8' \text{ ЗД}$. На мостик о ней не доложили.

Наконец наступил вечер. Температура резко упала. Это был явный признак приближения к морскому участку с дрейфующими льдами. В 17:50, с наступлением темноты, капитан Смит приказал немного изменить курс к югу, чтобы обойти ледяные поля.

В 19:30 знаменитый американский миллиардер Джордж

Уайднер с женой устроили в ресторане ужин. Почетным гостем был капитан Смит. Присутствовали знаменитости из высшего света Филадельфии. Присутствовал со своей супругой Роберт Алексон, переехавший из Англии в Америку и владеющий успешным оружейным бизнесом, их друзья, мистер и миссис Дэвид Миллер, также богатый военный, майор Батт. Писатель Жек Вудбелл также присутствовал на ужине со своей женой. Была там и супружеская пара Доннер, известна как один из самых богатых производителей трамваев. Их двадцатисемилетний сын тоже был за столом.

Когда капитан вошел в ресторан в своем черном капитанском мундире с золотыми галунами, с белоснежной фуражкой, которую он снял и держал под мышкой, мужчины в темных костюмах встали; за ними последовали женщины в коктейльных платьях, аплодируя капитану.

Белоснежные скатерти были заставлены сверкающей серебряной посудой и выстроенными в безупречном порядке бутылками с самым лучшим шампанским и винами.

После первого тоста миссис Уайднер обратилась к капитану с вопросом:

– Вы больше всех достойны роли хозяина этого лучшего в мире корабля. Он как дворец. А вы исполнены достоинства и уверенности.

– В отличие от вас, господа, я скромный агнец со многими горестями.

– Нет-нет, по количеству горестей мы вам не уступаем.

Нам надо учиться у вас держаться с таким достоинством.

На это капитан отвечал без улыбки:

– Вы управляете миром. А я управляю всего лишь этим кораблем, который немного больше других, но всего лишь обыкновенный корабль. Поэтому вы можете понять, насколько свободен я в своих действиях.

– Значит, особенных горестей у вас быть не должно.

Взгляды богачей сосредоточились на капитане.

– Как же без горестей! Самая большая в том, что, как только мы прибудем в Нью-Йорк, у меня уже не будет никакого корабля.

Женщины захихикали.

– И что вы будете тогда делать?

– Может быть, напишете автобиографию или роман?

– Ну, тогда вы мой конкурент! – быстро вставил Джек Вудбелл.

– Это будет сильный конкурент, – сказал майор Батт и обратился к капитану: – Я уверен, что вы отлично знаете этот корабль, а вот как насчет Атлантического океана? Он ведь куда больше!

Капитан кивнул.

– Вы совершенно правы, несравненно больше. Нелепо возражать. Только ведь и Лондон, и Филадельфия – очень большие города. Для незнакомого с ними путешественника эти города – как море. Но если жить там долгое время, вы будете хорошо знать каждый закоулок.

– Ну, это трюизм. Так значит, Атлантика знакома вам так же, как нам Филадельфия?

Капитан уверенно кивнул.

– Для нас, новичков в Атлантике, это звучит успокаивающе.

– А как обстоит дело с айсбергами? – быстро спросил Вудбелл.

Капитан ответил совершенно спокойно:

– В море, как и в городе, есть свое население. В нем живут и рыбы, и айсберги. И так же как вы не удивитесь, встретив на улице Филадельфии негра, меня не поразит вид айсберга в океане.

В то время, когда капитан был в ресторане, радист Гарольд Брайт доставил на мостик еще одну телеграмму с предупреждением об айсбергах. Она поступила с парохода «Калифорниан», шедшего впереди «Титаника» чуть севернее. Капитан «Калифорниан» Стенли Роуд сообщал, что в трех морских милях южнее его курса он наблюдал три больших айсберга. Но капитану Смиту об этой телеграмме так и не доложили. Около половины восьмого вечера «Калифорниан» трижды передал на «Титаник» предупреждение о больших айсбергах. Пока капитан ужинал с филадельфийскими знаменитостями, айсберг приблизился к «Титанику» на расстояние всего в пятьдесят миль.

В 20:40 температура морской воды подошла к точке замерзания, и второй помощник Чарльз Хабард Лайтоллер

приказал проверить систему водоснабжения на корабле.

В 20:55 капитан Смит покинул ресторан и поднялся на мостик. Там с шести до десяти вечера находился на вахте Лайтоллер.

Они обсудили перемену погоды. Резкое снижение температуры могло свидетельствовать о приближении зоны айсбергов. Оба они знали, что айсберги находятся прямо по курсу. Лайтоллер сообщил капитану, что из-за падения температуры воздуха приказал принять меры, чтобы не допустить замерзания воды в корабельных водопроводах. Он также доложил, что незадолго до этого первый помощник Уильям Мердок приказал закрыть передние иллюминаторы, чтобы свет из них не мешал впередсмотрящему.

Оба моряка внимательно следили за погодой. Море было все так же спокойно. Волн не было, словно по поверхности разлили масло. Не было и ветра. За долгие годы службы капитан Смит впервые видел такую тихую, но при этом безлунную, ночь. В морской поверхности, будто покрытой лаком, отражались россыпи звезд. Это не позволяло точно определить положение горизонта.

Они понимали, что в такую безлунную ночь непросто заметить айсберг впереди по курсу.

В 21:20 капитан приказал Лайтоллеру информировать его о любых происшествиях и направился в свою каюту.

«Титаник», как и подобает лучшему в мире кораблю, шел почти с максимальной скоростью. Но в 1910-е годы да-

же при наличии сообщений о присутствии айсбергов было обычным делом идти полным ходом по спокойному морю, пока айсберг действительно не попадет в поле зрения.

В 21:30 Лайтоллер отправил шестого помощника Муди к впередсмотрящему, находившемуся на площадке на мачте, с приказом внимательно следить за айсбергами, особенно небольшими.

Все меры против айсбергов, предпринятые командирами «Титаника», свелись к смещению курса на юг, закрытию иллюминаторов в носовой части и приказу впередсмотрящему внимательнее следить за ледяными глыбами. Они были уверены, что на двоих впередсмотрящих вполне можно положиться, чтобы избежать столкновения.

На мостике царила надменная уверенность в том, что какой-то там айсберг – совершенный пустяк для лучшего в мире корабля.

После этого «Титаник» еще дважды получал предупреждения об айсбергах.

В 21:40 поступила телеграмма с парохода «Месаба»: «“Месаба” “Титанику”. С 42° до 41° 25' СШ и с 49° до 50° ЗД обнаружен крупный айсберг и ледяные поля. Погода ясная».

Этот айсберг находился точно по курсу «Титаника». Среди выживших в катастрофе никто не мог сказать, была ли эта телеграмма доставлена на мостик.

В этот момент добавилось еще одно трагическое обстоя-

тельство. «Титаник» был переполнен богачами. А у них всегда много срочных дел, и личных, и служебных, так что в радиорубке скопилась буквально гора их телеграмм, ждущих отправки. После девяти вечера в зону связи вошла радиостанция мыса Рейс на юго-востоке Ньюфаундленда, и радиорубка «Титаника» целиком переключилась на отправку телеграмм пассажиров. К тому же один из двух радистов, Гарольд Брайт, ушел к себе в каюту поспать, поэтому второй, Джек Филлипс, уже не мог справиться с этой работой.

Последнее предупреждение поступило на «Титаник» в 22:55. На расстоянии от 10 до 19 морских миль к северу от «Титаника» дрейфовал в окружении айсбергов пароход «Калифорниан», который передавал предупреждения всем кораблям в округе.

Радист с «Калифорниан» вызывал радиста «Титаника». Это был уже четвертый вызов с «Калифорниан». В ответ он слышал крик Джека Филлипса:

– Заткнись! Я занят! Ты мешаешь работать! Я на связи с мысом Рейс.

Радист «Калифорниан» еще какое-то время слушал радиообмен «Титаника», а потом, в 23:30, выключил радиостанцию и пошел спать.

В этот день «Титаник» получил семь предупреждений об айсбергах, в которых вновь и вновь повторялось, что примерно в 78 милях впереди по его курсу находятся огромные ледяные поля.

В 23:40 впередсмотрящие «Титаника» Фред Флит и Реджинальд Ли ожидали окончания своей вахты. Смена должна была произойти ровно в полночь, и они собирались, освободившись, спуститься вниз, выпить горячего чаю и забраться в теплую постель.

Воздух был ледяной, и уже несколько минут назад они заметили впереди что-то вроде дымки, растянувшейся слева направо на две мили.

Как ни удивительно, на наблюдательной площадке не было бинокля. Его забыли взять на борт при отправлении из Саутгемптона.

Все произошло неожиданно. Флит заметил что-то впереди. Оно становилось все больше и быстро приближалось. Флит срочно связался с мостиком, подал три сигнала колоколом и поднял трубку. На мостике трубку взял шестой помощник Джеймс Муди, несший вахту под руководством первого помощника Мердока, который в десять часов сменил Лайтоллера.

– Ты что-то заметил? – спокойно спросил он.

– Прямо по курсу айсберг, – ответил Флит.

Офицеры были хорошо подготовлены и хорошо знали, что делать в такой ситуации. Мердок сразу же подошел к телеграфу и приказал остановить машину, потом, обращаясь к рулевому, крикнул: «Лево руля, до отказа!»

Затем он потянул за рычаг и закрыл водонепроницаемые переборки в трюме. Корабль стал медленно поворачивать

ВЛЕВО.

Гиза, Египет – 5

Выспавшись в отведенной ей комнате, Микул открыла глаза с первыми лучами солнца и почувствовала, что рядом кто-то есть. Поднявшись, она поняла, что это ей не показалось – у входа стояла женщина в роскошном платье.

На вид ей было лет пятьдесят. Микул подумала, что женщина старше ее матери. Крупный орлиный нос, горящие, глубоко посаженные глаза.

– Это ты знакомая Дикки? – спросила женщина.

– Да.

– Какие у тебя с ним отношения? – снова спросила она. Было непонятно, что на это ответить. – Если ты ему и понравилась немного, не радуйся. У Дикки уже есть девушка.

Сказав это, она быстро повернулась и ушла. Дверь осталась открытой, и через нее был виден освещенный солнцем песок двора.

Микул неподвижно сидела на кровати, когда вошел Дикка и пригласил ее пойти с ним поохотиться на болоте поблизости. Он дал ей новое белое платье и предложил переодеться. Платье было из такой красивой ткани, что захватывало дух. Надев его, Микул, волнуясь, последовала за Диккой.

С этого дня у нее началась жизнь, похожая на сон.

На охоту они поехали на боевой колеснице. Ее тянуло быстроногое животное, которое называлось лошадь. Вдвоем

с Диккой они добрались до просторной болотистой местности возле Нила. За ними следовали воины на трех других колесницах.

Микул поняла, что воины подчинялись Дикке. На своих колесницах они везли много всякой еды.

Подстрелив из лука болотную птицу, ее сразу же разделали и зажарили на вертеле на костре. Поели фруктов, выпили вина. Дикка сказал, что ему хотелось разок съездить с ней на охоту.

На следующий день она поступила в школу.

После утренних занятий чтением и письмом они с Диккой, бывало, ездили на охоту. Та была для Дикки чем-то вроде работы. Он объяснил, что нужно каждый день тренироваться, чтобы хорошо владеть оружием на случай войны. А когда не было охоты, Дикка вместе с подчиненными оттачивал приемы фехтования на мечах.

К Микул приставили служанку, девушку примерно ее возраста, по имени Рой. Об этом тоже позаботился Дикка. Микул не хотелось, чтобы ей прислуживали, но она была рада появлению подруги.

Рой ни за что не соглашалась войти в класс, как бы Микул ее ни звала. Она всегда ждала окончания занятий снаружи. Микул это было неприятно, и она просила ее вместе ходить на уроки, но та говорила, что она – дочь раба, что не любит учиться, и всячески избегала школы. Тогда Микул решила, что каждый день будет сама учить Рой знакам письменности,

которые ей объяснили на занятиях.

У Рой была белая, как мрамор, кожа и густые золотистые волосы. Не особенно красивая, но обладала хорошим характером. После занятий девушки ходили в ткацкую и швейную мастерские – вот этим ей заниматься хотелось. Дочери раба вход туда не запрещался, и они часто сидели рядом за ткацкими станками.

Еще можно было ходить к подножью зиккурата. Он располагался в границах крепости.

Первое время, подойдя к нему, Микул, напуганная его размерами, непроизвольно опускалась на колени, но постепенно, видя его перед собой каждый день, привыкла.

На зиккурате была устроена длинная-длинная лестница, ведущая на верхнюю площадку. Но, конечно, подниматься по ней было запрещено, и у входа на лестницу всегда стояли два воина с копьями.

Микул удивляло, что у подножья зиккурата раскинулись просторные поля, фруктовые сады и рощи. Пшеница на этих полях, оливы и фиги в садах давали обильный урожай. Все злаки и фрукты, которые вкушал фараон, произрастали в пределах крепости.

Зиккурат окружали не только съедобные растения – там были и цветы, украшавшие собой любое время года. Эти разнообразные цветы расцветали по очереди со сменой сезона.

Удивительно, что такие же сады раскинулись и на вершине зиккурата, как будто высоко в небе. Многие об этом го-

ворили, да и издали, если посмотреть днем, там можно было заметить зелень деревьев. Дикка называл их висячими садами; он рассказал, что такие же есть и в городах Востока.

Это казалось совершенно невероятным, словно в сказке. Ведь в Гизе не бывало дождей, и на такой высоте воде неоткуда было взяться. Оставалось верить, что на зиккурате обитает бог. Только бог мог вырастить деревья в этом безводном месте.

Как бы то ни было, но благодаря этим фруктовым садам и цветочным рассадкам ветер всегда разносил по крепости сладкие ароматы.

Вместе с Рой они часто гуляли по улицам Гизы. Прислонившись спинами к Львиной скале, разговаривали о Мардху и о Пети, деревне, где выросла Рой.

Иногда Дикка брал Микул с собой прокатиться или поохотиться, а вечером они обычно ужинали вместе. Девушка была очень довольна своей нынешней жизнью. Она считала, что совершенно правильно поступила, бросив все и приехав в Гизу.

Микул быстро совершенствовалась во всем, чем занималась. Она могла свободно читать и писать знаки – по крайней мере те, что попадались на улицах Гизы, – научилась легко управляться с ткацким станком.

Иногда, в прекрасную лунную ночь, Дикка в сопровождении четверых охранников приглашал ее на прогулку, а потом, оставив охрану сзади, они гуляли по берегу Нила.

Во время одной такой прогулки он сказал ей так:

– Микул, мне никогда не понравится ни одна девушка, кроме тебя. Ты умная, я сразу это понял.

Дикка всегда вел легкие разговоры, а про Микул никогда ничего особенного не говорил, но она понимала, что на сердце у него тяжело.

Однажды Дикка сказал Микул, что кое-что придумал.

– Надо сделать твою скульптуру, чтобы навсегда сохранить здесь твою красоту и чистоту.

Микул оторопела, но Дикка, уже приняв решение, велел позвать в крепость скульптора.

– Делать каменную скульптуру девушки не принято, но можно сделать скульптуру фараона. А лицо будет твое. Ты будешь знать, что это твоя скульптура. А позировать скульптору можно и попозже.

После этого во внутреннем дворе рядом с комнатой Микул постоянно раздавался стук молотков каменщиков.

Микул целиком отдавалась учебе и работе на ткацком станке, а в те дни, когда они не встречались с Диккой, она часто ходила в хлев, кормила лошадей вместе с рабами, а потом, усевшись с ними в кружок, учила их танцам и азбуке.

Рабы в замке были чернокожие и белокожие. Волосы у них были и светлые, и черные, и длинные, и коротко остриженные – самые разные. Девушка никогда не напускала на себя строгость, с которой ее учили в классе, и с шутками объясняла своим ученикам, как писать знаки, поэтому они люби-

ли Микул и просили учить их грамоте и песням еще и еще. Она с удовольствием общалась с рабами, которые понимали и любили шутки.

К ее ежедневным делам добавилась обязанность позировать скульптору. Каждый день после занятий Микул теперь некоторое время стояла перед художником.

Завершив все дела, она возвращалась в свою комнату, а Рой шла к Дикке узнать, какие будут распоряжения, и обычно приходила обратно с приглашением поужинать вместе.

Как-то вечером Дикка после ужина пригласил Микул в библиотеку, которую уже показывал ей. Он велел стражнику открыть двери и зажечь светильники, развешанные по стенам. Затем отправил стражника за дверь и позвал Микул к полкам, где хранились папирусы.

– Иди, посмотри. Здесь лежат книги, рассказывающие, что происходит с человеком после смерти.

С этими словами Дикка взял с полки свиток, завернутый в чехол.

– Это «Книга мертвых», написанная на папирусе. Ее полагается класть в гроб умершего человека, который занимал высокое положение при жизни. А этот экземпляр хранится здесь как образец. Иди сюда.

Он подошел поближе к свету факела и, присев, развернул свиток на полу. Одного толчка оказалось достаточно, чтобы свиток развернулся во всю длину, образовав от темного угла

до середины комнаты дорожку из папируса, разрисованную загадочными картинками.

– Смотри. Когда человек умирает, он попадает в ад; это там, где заходит солнце. В аду его встречают слуги.

Дикка указал на странное существо с краю картинки, освещенной факелом. У того было тело мужчины с обнаженным торсом и голова невиданного животного. Низкий лоб с провалом посередине. Острый взгляд глаз, выступающие челюсти, разрез губ от уха до уха, заостренные зубы. Уши расположены не в том месте, где у человека, а торчат, подобно звериным. Человек с головой то ли волка, то ли крокодила.

– Мне страшно... Такие люди правда бывают?

– Не знаю. Ведь оттуда никто не возвращался. Когда человек попадает в страну мертвых, слуги ада ведут его к огромным небесным весам. Около весов его спрашивают, не совершал ли он проступков при жизни. Все отвечают, что никогда не лгали и не обманывали. Потом из тела, которым он пользовался при жизни, извлекают его сердце и кладут на весы. Если проступков не было, сердце остается легким, но если человек вел себя неподобающе, то оно становится тяжелым, и чаша весов опускается. Тогда по знаку слуги на него набрасывается этот зверь, ожидающий у весов, и пожирает покойника.

Микул задрожала от страха.

– Но, если чаша не смещается, слуги ада ведут человека

к Осирису, который дарует ему вечную жизнь.

С этими словами Дикка стал свертывать свиток. Голос у него стал совсем тихим.

Микул продолжала дрожать. Здесь, в темноте библиотеки, при свете факелов, эта картина привела ее в ужас.

– Даже фараон не может избежать загробного мира и этого суда. Но смерть временна. Если будет доказано, что при жизни человек делал хорошие дела, он будет жить вечно.

Свернув свиток, Дикка поднялся на ноги и направился к полке положить его обратно.

Микул недоумевала. Почему он вдруг решил показать ей «Книгу мертвых»?

– Только вот что именно служит мерой хорошего и плохого при жизни? Сейчас я этого не знаю. Если порадовать одного, может заплакать другой. Для того чтобы все в Гизе жили мирно и счастливо, надо убить много врагов. У этих врагов тоже есть семьи. Они так же думают об этих семьях, как я думаю о тебе.

Спрятав свиток на полку, Дикка повернулся и обнял Микул.

– Не уходи от меня. Ты для меня все. Не бывает даже короткого момента, когда я чувствовал бы покой. И зачем только я родился сыном фараона!

Он поцеловал ее в губы. Микул тоже замерла от нахлынувшего на нее ощущения счастья.

– Микул, обещай, что никуда не уйдешь. Скажи, что все-

гда будешь рядом. – Отодвинувшись, Дикка пристально посмотрел ей в глаза. – Ну, обещай! Сейчас же!

Микул, как во сне, кивнула. О чем тут говорить! Она ведь не могла больше представить свою жизнь без Дикки.

– Как замечательно! Теперь я ничего больше не боюсь.

Прошептав это, Дикка вновь обнял ее. И благодарил, благодарил...

* * *

Расставшись с Диккой, Микул вернулась в свою комнату и стала готовиться ко сну, когда дверь открылась. Но пороге стояла невысокая женщина.

– Рой? – позвала Микул. Со спины женщину освещал огонь факела, горевшего в коридоре, и против света ее лица не было видно. Она решила, что ушедшая к себе Рой за чем-то вернулась.

– Ты Микул, деревенская девушка с верховьев Нила?

Женщина вошла в комнату, и лунный свет из окна осветил ее лицо. Стали видны ее большие глаза и высокий нос. Очень красивая смуглая женщина.

– Я пришла предупредить тебя. Я думала, что же это за девушка, в которую Дикка так влюбился, что велел сделать каменную скульптуру... – Она рассмеялась. – Просто глупая деревенская девушка!

– Предупредить о чем? – тихо спросила Микул.

– Обо всем! Всего и перечислить невозможно...

Впав в истерику, женщина громко кричала:

– О чем предупредить?! Ну-ка, покажи свое тело!

Она с криком вцепилась в платье Микул и резко потянула. Пояс разошелся, и девушка в одно мгновение оказалась совершенной голой.

Не отпуская платье, женщина молчала, словно в изумлении. Микул стояла ошеломленная, прикрывая наготу руками.

– Зачем вы?.. Почему?..

– Так ты... – пробормотала женщина и залилась истерическим смехом, похожим на пронзительный крик. – Так ты, ха-ха-ха... не носишь белья? Ха-ха-ха, и правда деревенщина... В наше-то время!

– Верните мою одежду, пожалуйста.

– Для деревенщины так даже лучше! – Она швырнула платье на пол. – Когда-нибудь я превращу тебя в рабыню, чтобы неповадно было носить такие платья. Запомни! Все шло так хорошо, пока ты не появилась...

Микул торопливо наклонилась, схватила платье и прикрылась им спереди.

– Фу, что у тебя за грудь! А эта тощая задница... Ты думаешь, с таким хозяйством сможешь родить Дикке здоровых детей? Откуда у тебя это модное платье? Дикка подарил?.. Дай сюда, вот что я с ним сделаю!

Женщина вырвала у Микул платье, вцепилась в него зу-

бами и разорвала. Потом бросила на пол и стала топтать ногами. При этом она громко кричала, а когда подняла голову, в лунном свете заблестели слезы, заливавшие ее лицо.

Снаружи послышались крики, топот идущих строем воинов, звон оружия, ржание лошадей.

– Тебе интересно, что там происходит? Смотри! Смотри, говорю! – Женщина подбежала к двери и кричала, обернувшись к Микул: – Дикка уезжает. На войну! Он совсем перестал приглашать меня к своему столу; он идет на войну, чтобы убежать от меня. Смотри быстрее сюда, смотри!

Женщина кинулась к ней, схватила за волосы Микул, прижимавшую к груди разорванное испачканное платье, и потащила к двери.

– Иди сюда, смотри, что ты наделала! Никто не будет смотреть на тебя голую. Сюда иди!

За дверью Микул увидела воинов, выстроившихся во внутреннем дворе. Часть воинов уже двинулась маршем за пределы крепости.

– Выступать маршем посреди ночи! Это безумие!

Она толкнула Микул на пол.

– Слушай внимательно! И вспоминай. Все, что ты натворила здесь. Ты подружилась с рабами, научила их священным писаниям. Ты не знаешь, что письмена – это драгоценность? Наши мудрые предки, рискуя жизнью, получили их от бога. Ты же хочешь превратить это в ничто. Ты думаешь, что если тебя высекают из камня, то ты стала богиней? Ты

пытаешься разрушить порядок. Ты как чума. Дьявол. После твоего появления все идет прахом. Тебя подослали рабы? Дикка должен был быть со мной. Дикка меня любил! Пока ты не приехала! После твоего приезда он стал редко со мной ужинать. Перестал брать на охоту. А ты что делаешь? Пользуясь доверием Дикки, разрушаешь здешний порядок... Почему тебя пустили в школу для благородных? Почему с тебя, простой девчонки, делают каменную скульптуру? Я никогда не слыхала ничего подобного. И ты еще пыталась затащить в класс рабыню Рой... Даже ходила в жилище рабов, изображая из себя учителя! В Совете каждый день тебя обсуждают. И Дикка всегда тебя покрывал. Из-за тебя он поссорился с Советом. У него появилось много врагов. Дикка изгнал и перебил всех до единого, кто тогда сместил его, но и без них врагов у него достаточно. Ты как будто его преследуешь... Дикка тебе об этом не рассказывал?

Женщина замолчала, и топот снаружи стал явственней.

– Я ничего не знала. Дикка мне ни слова не говорил.

– Очень похоже на него... Он все трудности всегда переносит сам. Если б он посоветовался со мной, то утопил бы тебя в Ниле. У него не осталось другого выбора, кроме как начать войну с Нубией, одержать в ней победу и этим восстановить свой авторитет. А после этого он собирается, не слушая никого, взять тебя в невесты... Какая глупость! Сейчас не самое лучшее время для войны с нубийцами. В пустыне ночи холодные. Воды мало. Будут большие потери. Совет

единогласно был против, потому что Нубия сейчас настороже, но Дикка пошел всем наперекор. Он упрямый! Это так глупо! Кто ты такая, чтобы из-за тебя так рисковать жизнью? Из-за тощей деревенской девки! Из-за тебя он потерял рас-судок. Несется, как взбесившаяся дикая лошадь, совершает поступки с необратимыми последствиями... Все из-за тебя! Лучше б ты умерла! Тогда все исправилось бы. Как я тебя ненавижу! Что со мной станет?! Что я буду делать, оставшись одна? Кто мне поможет, когда Дикка меня оставил!

Женщина упала на колени у входа и зарыдала, закрыв лицо обеими руками.

Микул в оцепенении лежала голая, свернувшись на полу. Она и представить себе не могла ничего подобного. Почему это произошло? Она поняла только, что ради нее Дикка взвалил на себя непомерный груз.

Микул смотрела невидящим взглядом на освещенный лунным светом угол комнаты. Женщина поднялась, задержала на Микул ненавидящий взгляд горящих, опухших от слез глаз и вышла из комнаты.

* * *

На следующее утро из рассказов Рой и рабов, с которыми она успела подружиться, Микул узнала, кто была эта женщина.

Ее звали Семетопетес, она была единственной дочерью

своей матери из аристократического восточного рода, и еще в детстве окружение определило ее в невесты Дикке. Но в последнее время тот передумал и отдалил ее, еще и потому, что она была другой веры. Семетопетес стала настолько неприятна Дикке, что он хотел изгнать ее вместе с матерью из крепости, но не нашел для этого подходящего предлога.

Семетопетес недавно потеряла отца, которого убили вторгшиеся иноземцы, и, несмотря на знатное происхождение, положение ее стало незавидным. У Дикки уже не было причин обязательно брать ее в жены. Но в этой стране матери с дочерью не у кого было искать поддержки, кроме Дикки, поэтому Семетопетес пришла в такое бешенство. Когда-то у них было много вассалов и рабов, но их становилось все меньше, к тому же на Востоке у них больше не было дома, куда они могли бы вернуться, отчего они обе стали впадать в безумие.

Но правда и то, что Дикка попал в опасную ситуацию. Поэтому он, ни слова не сказав Микул, отправился воевать.

На Корабле – 5

В 23:30 вечера писатель Джек Вудбелл и археолог Уолтер Уайт с женами Нэнси и Джейн болтали в курительном салоне первого класса. Как всегда, из ресторана доносилась веселая музыка, пассажиры за соседним столиком развлекались карточной игрой. Рядом в углу салона стоял еще один диван, на котором сидел порядком набравшийся управляющий Лондонской биржи Эндрю О'Брайан, по обыкновению отпускавший свои язвительные замечания.

Хотя О'Брайан и принадлежал к лондонскому высшему обществу, это был довольно своеобразный человек. Он родился в семье небогатого инженера в Бирмингеме, в одиночку перебрался в Лондон и упорным трудом достиг своего нынешнего положения.

Попивая вино, выдерживавшееся в бочках еще с прошлого века, О'Брайан испытывал жажду, как будто только что выплыл из водоворота биржи, и вполне ожидаемо скоро устал. Он говорил, слегка распустив галстук:

– «Титаник» похож на многоярусный торт.

Джек и Уолтер повернули головы на его голос. Управляющий продолжал, преувеличенно жестикулируя, как актер шекспировского театра:

– На этом корабле собрались богачи с множеством слуг и горами багажа. У их жен ящики платьев, ящики обуви,

ящики драгоценностей для ежевечерней демонстрации мод в салонах и ресторанах. Но в этой плывущей по Атлантике пирамиде в поту и угольной пыли работают кочегары и другие члены команды. Им, чтобы купить на свою зарплату билет первого класса даже в одну сторону, понадобятся долгие годы. Прямо над ними – пассажиры третьего класса. Бедняки из Британии, Франции, Ирландии, проигравшие в жизненной схватке, едут с последней надеждой начать все сначала в новом раю. Палубой выше – каюты второго класса. Люди среднего достатка – учителя, торговцы, различные специалисты, нажившие хоть какое-то имущество и живущие более-менее пристойно. И наконец, самая вершина, фрукты со взбитыми сливками. Здесь разместились богачи и знаменитости с шеями в крахмальных воротничках. Это про вас.

– Нет, я совсем другой, – сказал археолог.

– У меня тоже нет с собой ни ящиков с платьями, ни одного слуги, – добавила Нэнси Вудбелл.

– Все равно, в разрезе этот железный торт – карикатура на общество Великой Британской империи образца двенадцатого года.

– Согласен, – прореагировал Уолтер Уайт.

– А вы не думаете, что процветание нашей империи долго не продлится?

– Не могу согласиться, – сказала жена писателя.

– Ну-ну... А вы как полагаете, мадам? Очень хотелось бы услышать ваше высокое мнение.

– Вы просто пессимист. Критика в адрес цивилизации нашей Великой Британской империи подобна критике убежденного холостяка в адрес женщин; она – плод вашей интровертности.

– О, это интересный психологический анализ... Доктор, продолжайте, пожалуйста.

– Одна страна выглядит процветающей в сравнении с другими. Допустим, что у нашей британской цивилизации нет большого будущего, но тогда кто будет процветать вместо нас? Франция? Италия? Австрия? Ответ – нет. Эти цивилизации уже сейчас подобны древним старухам.

– А как вам новый свободный рай, Америка?

Нэнси рассмеялась.

– Куда там! У них не получится. Эта страна, наверное, будет очень богатой, но она не может создать свою цивилизацию. Скорее всего, появятся и другие страны с огромными деньгами, но не так много государств, которые на эти деньги способны вырастить такой хрупкий цветок, как цивилизация. Чтобы взрастить его, одних денег мало, нужны традиции. В Америке традиций нет.

– Конечно, в этом есть определенная логика. Но когда-то ведь и мы, с точки зрения Великой Римской империи, были убогой страной пиратов на далекой окраине.

– К тому же Америка продолжает эксплуатировать рабов. Они торгуют привезенными из Африки людьми, как скотом. Были даже случаи, когда наниматели клеймили приехавших

по контракту рабочих из Англии и превращали их в рабов. Вы считаете, что такая варварская страна может создать цивилизацию?

– Действительно, история показывает, что цивилизации, построенные на страданиях множества людей, существуют недолго, – сказал Уолтер Уайт, – но Америка сейчас подобна новорожденному ребенку. Луизиана, Небраска и Канзас недавно куплены у Франции, Калифорния и Невада взяты у Мексики, полуостров Флорида – у Испании, а остальные – у Англии. Только недавно сформировалась единая страна, а в детстве даже люди порой делают довольно жестокие вещи.

– Все равно это ужасно.

– Мадам, истории неизвестна ни одна цивилизация, в которой не было бы рабства. Греция, Рим, Египет... Цивилизация – это просто другое название свободного времени, которое добывается за счет рабского труда, – сказал Эндрю О’Брайан. – И я говорю не о древней истории. Речь о нашем двадцатом веке. Декларация об отмене рабства была принята сорок с лишним лет назад, но разве неофициально оно потихоньку не продолжает существовать?

– Нэнси, люди глупы, – сказал писатель жене. – Ни одна цивилизация и ни один народ не смогли избавиться от бессмысленного стремления к богатой жизни и тщеславия. Вот даже мы, разве не плывем мы сейчас на этом роскошном корабле?

– Но послушай, у меня ведь никогда не было никаких рабов.

– Однако наше нынешнее благополучие, возможно, зиждется на неоправданных жертвах каких-то несчастных в каких-то неизвестных нам странах.

Говоря это, Джек Вудбелл почувствовал, что пол под его ногами вздрогнул.

– А все же ты... – начала возражать Нэнси.

Но писатель сдался, подняв руки.

– Нэнси, ты не почувствовала сейчас толчка?

– Нет. – Она покачала головой.

Вудбелл посмотрел на Эндрю О’Брайана и супругов Уайт.

– Нет. – Археолог с женой прореагировали так же.

– Ну, все эти рассуждения о рабстве на диванах в дорогом салоне роскошного корабля выглядят несколько неубедительно, не так ли, мадам? Условия на кораблях, перевозивших рабов, были ужасны. Из-за чрезвычайной антисанитарии невольничьи корабли шли на слом после трех рейсов через Атлантику.

– Говорят, что вонь от невольничьих кораблей доносилась до других судов за несколько миль, – подтвердил Вудбелл.

– На них свирепствовали оспа и глазные болезни; бывало, из-за воспаления глаз слепли все, кто был на борту, и тогда корабль превращался в призрак, болтающийся по волнам, – продолжал Вудбелл.

Женщины смолкли.

– Мы плывем на роскошном корабле по тому же морю в ту же страну. Хорошо, если не навлечем этим на себя гнев Господа, – сказал Эндрю.

В этот момент в курительный салон вбежал мужчина.

– На палубу обрушились тонны снега! – прокричал он.

– Снег пошел? – спросил Эндрю, повернувшись к мужчине.

– Корабль зацепил айсберг, – ответил тот.

Эндрю широко развел руки.

– Это здорово, утром в снежки поиграем! – обрадовался он. – Классно придумал капитан, устроить снежки в апреле! Там, где я вырос, снега не бывает.

Все, сидевшие за столиком, еще некоторое время обменивались шутками, но, заметив, что число посетителей в салоне уменьшилось, тоже встали.

– Музыка в ресторане стихла. Ну что ж, давайте перед сном подышим ночным воздухом на шлюпочной палубе, – предложил Эндрю. После длительного пребывания в жарко натопленном салоне щеки горели, поэтому никто ему не возразил, и все вышли на палубу через верхнюю площадку роскошной лестницы.

– Какое замечательное звездное небо! – восхитилась жена археолога.

– Вот только луны нет, – поддержал ее муж.

Воздух был обжигающе холодным. Однако обитателей кают первого класса это лишь приятно бодрило.

– Но звезды прекрасны! Я впервые вижу так много звезд сразу.

– Море спокойно, и тумана нет, – заметил Джек Вудбелл.

– Правда... Как романтично: мы посередине Атлантики, вокруг – ни клочка обитаемой земли, – сказала его жена.

– Странно, дамы и господа, но не кажется ли вам, что машина не работает? – спросил Эндрю.

И действительно, под ногами не ощущалось никакой вибрации; не чувствовалось и потока встречного воздуха, пересекаемого кораблем.

На носовой части палубы стояла черная толпа. Джек подумал было, что игра в снежки уже началась. Пробравшись через толпу, к ним не торопясь подошел офицер в форме.

– Почему стоит машина? – обратился к нему Эндрю. – Кочегары заснули?

– Вы правы, машина остановилась, – тихо ответил тот.

– Почему? Забастовка?

– Прошу дам занять места в шлюпках.

Эндрю чуть не поперхнулся словами.

– Какие шлюпки? Ты в своем уме? Спасательные шлюпки? С чего это?

– Прошу меня извинить, но примерно через час с небольшим этот корабль затонет.

Слышавшие это потеряли дар речи.

– Что вы сказали? Это шутка?

– Как ни печально, но это факт. Я должен еще предупре-

дить других господ, разрешите идти.

Офицер отдал честь и пошел в сторону кормы. Пятеро знакомых, остолбенев, еще некоторое время оставались стоять на безветренной шлюпочной палубе.

Когда глаза привыкли к темноте, впереди стало видно нечто расплывчато-белое, вроде дымки. Это была группа айсбергов.

– Что произошло? Этого не может быть! – закричала Нэнси Вудбелл. На морозе изо рта у нее шел пар.

– Мы что, столкнулись с айсбергом? Когда? Я ничего не почувствовал, – пробормотал Эндрю.

– Разве нам не говорили, что этот корабль не может утонуть? – спросил писатель.

* * *

Лобового столкновения удалось избежать, но корабль притерся к айсбергу правым бортом, и удар пришелся под углом.

На мостике Мердок и Муди смотрели на айсберг, скользивший по правому борту. Особого шока у них не было – с высоты мостика все выглядело так, будто корабль избежал опасности без ущерба. «Титаник» только слегка вздрогнул и продолжал скользить вдоль айсберга, а потом, через несколько минут, спокойно остановился. Айсберг остался в темноте далеко позади.

Большинство пассажиров не почувствовали не только того, что корабль получил смертельную рану, но не заметили даже толчка от столкновения. Холодный воздух загнал пассажиров во внутренние помещения, а многие уже легли, готовясь ко сну.

Некоторые, услышав негромкий царапающий звук, прервали игру и выбежали на палубу, но увидели только исчезающую в темноте за кормой огромную белую гору и множество осколков льда, упавших на палубу. Поскольку, кроме этого, ничего необычного видно не было, все вернулись к игре и выпивке.

Совсем иначе обстояло дело в кочегарке, расположенной в самом низу. Главный кочегар услышал грохот, как от пушечного выстрела, и был сбит с ног мощным потоком ледяной воды, ворвавшимся через боковую стену. Из последних сил он взобрался по лестнице и оказался на относительно безопасной палубе E.

Разбуженный капитан Смит вместе с подбежавшим главным конструктором Томасом Эндрюсом срочно стали обходить помещения корабля. В почтовом отделении на нижней палубе было полно воды, посылки и конверты плавали по всей комнате.

На «Титанике» было пятнадцать водонепроницаемых переборок, которые делили его на шестнадцать секций. Утонет корабль или нет, зависело от того, дойдет ли вода до четвертой секции. Корабль остался бы на плаву при затопле-

нии максимум четырех секций. При затоплении пятой секции надежд на это не оставалось. И вот в этой-то пятой секции вода прибывала на глазах.

Томас Эндрюс был потрясен. При лобовом столкновении с айсбергом корабль не должен был утонуть. Но скользящее столкновение бортом привело к разрушению обшивки, которая, как он осознал, оказалась значительно слабее, чем было запроектировано. Ведь стремясь избежать столкновения, корабль обязательно повернет в самый последний момент. И рассчитывать на прямое лобовое столкновение было нереалистично.

Через двадцать минут после столкновения капитан Смит был вынужден признать, что сложилась наихудшая ситуация. Оставалось только ждать, когда самый роскошный в мире пассажирский корабль пойдет ко дну. Эндрюс сообщил капитану, что корабль продержится на плаву еще час, от силы полтора.

Это была настоящая трагедия. На корабле находились 2200 человек, но спасательные шлюпки могли принять максимум 1178 из них. И все же на «Титанике» было гораздо больше шлюпок, чем предусматривалось правилами Торговой палаты Великобритании. По этим правилам, исходя из водоизмещения корабля, его шлюпки должны были быть в состоянии взять на борт 962 человека.

Паника среди пассажиров была очевидна. Тысяча человек были приговорены к медленной казни. Капитан был обязан

максимально ее оттянуть.

В пять минут первого капитан Смит приказал старшему помощнику Генри Уайлду расчехлить спасательные шлюпки, а Мердоку – собрать пассажиров на шлюпочной палубе. Но делать это надо было совершенно спокойно.

После этого Смит по левому борту направился к корме, зашел в радиорубку, расположенную в восемнадцати метрах, и лично приказал передать сигнал о помощи. Для этого использовали сигнал SOS, который тогда только начал применяться.

Четвертый помощник Боксхолл определил координаты точки бедствия – $41^{\circ}46'$ СШ и $50^{\circ}14'$ ЗД.

Капитан разрешил Боксхоллу стрелять белыми сигнальными ракетами в направлении ближайших судов. Начиная с 00:45 ночи выстрелы этими ракетами производились каждые пять минут.

Затем капитан приказал сажать в шлюпки в первую очередь женщин и детей.

Львиная Скала, Египет – 6

Это было утром, через неделю после того, как Дикка отправился в поход. Воздух был еще прохладен, и утреннее солнце, проникавшее через окно, не слишком припекало, когда дверь в комнату Микул рывком распахнулась.

Испуганная девушка села на кровати, еще плохо соображая спросонья, а комнату уже заполнила целая толпа и угрожающе окружила ее. Среди нее были Семетопетес и ее мать, бывшие аристократки с Востока. Сейчас на них были одежды священнослужительниц.

В центре толпы стоял человек в страшной голубой маске. Вся маска была усыпана кусочками голубого камня, а в руках он держал голубой посох. В том месте, где должны быть глаза, в маске зияли две зловещие дыры, словно у черепа. Тело покрывала белая одежда священника.

– Радуйся, дева! Ты отправишься на алтарь бога Солнца. Иди и утешь бога Солнца. Благодарю небо, что такая высокая честь досталась человеку твоего происхождения. – Потом он сделал шаг вперед, высоко держа в руках красивую белую одежду. – Сейчас никто не может поручиться, что солнце, скрывшись на западе, завтра снова покажет свой лик на востоке. Дева, не мешкай, омой свое тело и надень эти одежды, – с достоинством изрек священник.

Ничего не понимая, Микул встала на кровати. В окруже-

нии толпы она надела белое платье и вышла во внутренний двор, где жившие в крепости женщины выстроились, образовав коридор из цветов. Сбоку гордо стояла законченная статуя Микул.

Цветочный коридор тянулся и тянулся до самого подножия зиккурата.

На площади перед лестницей, ведущей на зиккурат, собралась еще большая шумная толпа. Когда Микул вслед за священником приблизилась, разговоры в толпе мгновенно смолкли, и до слуха Микул долетели только слова:

– Армия Дикки разгромлена!

– Враги взяли Дикку в плен!

– Наверное, его уже убили!

Микул замерла. Дикка погиб?!

Неожиданно раздались громоподобные звуки. Это заиграл выстроившийся на площади оркестр фараона.

Этот грохот испугал Микул. От страха она взмахнула руками, и кольцо, подаренное Диккой, упало на песок. Девушка попыталась быстро поднять его, но священник толкнул ее в спину, и кольцо исчезло в песке.

Микул удивил и вид музыкальных инструментов. Музыканты оркестра, одетые в форму, очень похожую на военную, держали в руках инструменты, каких она раньше не видала. Было много труб, деревянных или глиняных. При игре одни из них издавали звуки, похожие на свист ветра, другие – на плеск воды, третьи – на шум прибоя. После них вступи-

ли другие инструменты, поражавшие слушающих звучанием, подобным вою и реву животных.

Исполнив свою музыку, оркестр расступился в обе стороны, и прямо пред глазами Микул открылся вид на зиккурат и уходящую в небо бесконечную лестницу. Сегодня охранников по ее сторонам не было.

Но Микул не слышала музыки, не видела залитой солнцем широкой лестницы зиккурата.

«Дикка погиб?!» Только эти слова крутились у нее в голове.

* * *

К подножию Львиной скалы приблизился худой старик на осле.

Тень от осла и сидевшего на нем человека легла рядом с Рой, игравшей у Львиной скалы в песок с друзьями – такими же детьми рабов. Та остановилась и подняла голову взглянуть, откуда упала тень.

– Рой? – хрипло спросил мужчина, выглядевший стариком. Рой не знала этого человека и, не решаясь ответить, молча смотрела на мужчину на осле. Солнце освещало его со спины, и поэтому лица было не разглядеть.

По-стариковски неторопливо мужчина слез с осла и тяжело оперся обеими руками о скалу. В этот момент Рой заметила, что на руках у него только по три пальца. На его голо-

ве не было волос, поэтому он выглядел стариком. Но если присмотреться, тело его было молодым. Все лицо покрывали следы ожогов и морщины.

– Господин Дикка? – Рой от удивления широко открыла глаза. Произнеся это имя, она так испугалась, что больше ничего не могла сказать.

Как все изменилось! Хотя прошло меньше года с тех пор, как Дикка ушел из Гизы на войну, он стал совершенно другим. Его красивое лицо было обожжено, волос почти не осталось.

– Удивилась, Рой? Год был ужасный. Неудивительно, что ты меня не узнала. Лицо стало совсем другим? А с телом еще хуже. В Нубии меня пытали. Я чудом остался жив. Ни за что не хотел умирать. Выжить любой ценой, выжить, что бы ни случилось, и вернуться в этот город – вот о чем я думал. Только это стремление меня и поддерживало. Четыре дня назад появился шанс. Едва живой, я смог убить охранника и сбежал. Четыре дня я стремился сюда, ни минуты не отдыхая, украл коня, украл верблюда и, наконец, добрался... Знаешь, почему мне удалось выжить? Рой, ты должна понять, что я чувствую.

– О, господин Дикка, простите меня. Спрашивать у меня такое...

– Рой, что ты говоришь! Наверное, видя меня в таком обличье, ты думаешь, что я сошел с ума? Не беспокойся.

– Господин Дикка, давайте я принесу воды. Вы, наверное,

хотите пить...

– Рой, все в порядке, не беспокойся.

Дикка нажал руками на плечи пытавшейся встать девушки и усадил ее на песок.

– Тогда фруктов. О, господин Дикка, прикажите что-нибудь...

– Рой, ничего этого не надо. По дороге у меня было много и фруктов, и воды. Пойми, я изо всех сил стремился выжить только ради Микул. Только благодаря мечте еще раз встретиться с ней, еще раз увидеть ее улыбку я безмолвно прошел через все испытания и муки, решив выжить во что бы то ни стало... Почему, Рой, почему ты плачешь? Ты меня жалеешь? Не надо. Я ослаб, но меня переполняет радость. Я живым вернулся в Гизу. В этот город, где она ждет меня. Она снова вдохнет жизнь в мое слабое тело. Рой, где она? В крепости? Почему ты здесь одна?

– Господин Дикка, простите меня... Я не могу вам рассказать, что произошло.

– Почему? В чем дело? Что случилось?

– Ужасная вещь! Невозможно себе представить такое, это дело рук язычников...

– Что произошло? Что они с ней сделали? Что случилось с Микул? Не может быть, Рой! Ее уже нет в живых?

– Язычники принесли ее в жертву. Это так страшно... Я больше ничего не могу сказать.

– Говори! Ты уже ничем меня не удивишь.

– Больше я ничего не в состоянии рассказать. Спросите, пожалуйста, у других.

– Кто это сделал? Семетопетес?

– Да, они, и священник Хармавахит.

– Они втянули Хармавахита!.. Решил, что я умер, и при-
мкнул к группировке моего бездарного старшего брата!

– Простите меня...

– Рой, ты ни при чем. Ступай, Хармавахит идет. Как удачно он появился... Спрошу напрямую. Пусть эта дорога в порт, дорога у Львиной скалы, станет его дорогой в преисподнюю.

– Господин Дикка, поберегитесь! Нельзя выступать против бога Солнца!

– Ра не будет этого терпеть! Жрец извратил волю бога в свою пользу. Он напрасно думает, что бог поддержит его во всех трусливых поступках. Он насквозь прогнил. Рой, тебе пора уйти. Ты ничего не слышала. Уезжай быстрее из этого прогнившего города, возвращайся к родителям. Найди себе мужа и живи, может быть, и небогатой, но достойной жизнью. Иди!

Взмахнув левой рукой, Дикка отослал девушку и крикнул, стоя под Львиной горой:

– Хармавахит!

Шедший по верхней дороге священник обернулся на голос.

– Кто там?

– Не узнаёшь? Это Дикка. Спускайся сюда.

– Господин Дикка? Вы так изменились... Поспешу к вам.

Священник с тремя сопровождающими спустился с Львиной скалы на песок.

– Как я рад видеть вас в добром здравии!.. Это благодаря силе бога Солнца. Я каждый день от всего сердца молился за вас.

– А не ты ли обратился в ересь Семетопетес?

– Что вы говорите!.. К тому же их вера – не ересь. В далекой древности у них и у нас были общие боги... Но не лучше ли скорее в крепость? Я позову слуг.

– Нет нужды.

– Госпожи вас ждут.

– Мне нет дела до этих грязных женщин.

– Что вы такое говорите? Они денно и ночью беспокоились о вашем благополучии.

– Потому что без меня им будет нечего есть.

– Ни в коем случае!

– Что с Микул?

– Забудьте об этой девушке. Она не может быть вам полезна.

– Вы убили ее?

– Что?

– Принесли в жертву? С каких это пор бог Солнца Гизы стал требовать человеческих жертв? В далекой древности фараон строго запретил приносить человеческие жерт-

вы. Это языческий обычай. Нечистый.

Священник отвечал спокойным голосом:

– Вы устали, господин Дикка. От кого вы слышали эту ложь?

– Тогда я хочу увидеть Микул. Приведите ее сюда.

– Эта девушка нарушила порядок, установленный в крепости. Эти нарушения уже нельзя было больше терпеть. Она – деревенщина, не знающая городских обычаев.

– Она просто не следовала дурацким правилам, придуманным прогнившим сбродом. И из-за этого ее убили?

– Вернули в деревню. И дали с собой все, что ей было нужно для счастливой жизни до конца дней.

– Ложь! У всех на виду ее затащили на зиккурат, связали руки и ноги и утопили в воде. Потом сняли кожу с ее тела, и мать Семетопетес плясала, надевши ее на себя. Из ее черепа сделали кубок, из которого пьет Семетопетес!

Это кричала Рой, свесившись с верхней дороги.

Лицо Дикки исказилось от гнева.

– Это непростительное злодеяние! Хармавахит, ты совсем свихнулся!

– Нет, я не знал, что мать с дочерью пойдут на такое... Я не желал этого... Господин Дикка, что вы делаете?!

Дикка вытащил меч и погнался за священником.

– Эй, остановите его, дураки! – крикнул священник своим охранникам, которые тут же окружили Дикку.

– Разойдитесь, порублю!

И Дикка глубоко вонзил бронзовый меч в спину Хармавахита, пытавшегося взобраться на Львиную скалу.

Охнув, священник скатился на песок у подножия скалы. По песку быстро растекалась кровь. Бывшие с ним люди с криками разбежались и бросились к дороге.

Вокруг Львиной скалы образовалась толпа. Люди издали с ужасом наблюдали за этой трагедией.

На Корабле – 6

В салоне первого класса снова заиграла прекратившаяся было веселая музыка. Создавая атмосферу вечеринки, музыка не давала людям впасть в полное отчаяние. После столкновения прошел уже час, но большинство пассажиров еще не осознавали всей серьезности ситуации. Хотя уже было заметно, что нос корабля несколько опустился и появился крен на правый борт.

Большая часть пассажиров первого класса, следуя указаниям распорядителя, надела спасательные жилеты поверх не затрудняющей движения одежды и собралась на шлюпочной палубе. Пассажиров второго и третьего классов откровенно проигнорировали, сообщив им о ситуации значительно позже.

В 00:45 первую шлюпку спустили на воду. Многим женщинам и детям казалось, что оставаться на палубе все-таки безопаснее, и они не хотели садиться в спасательное судно. Из-за этого в 65-местную шлюпку погрузилось только 28 человек. В час ночи уже всем было понятно, что носовая часть «Титаника» накренилась. Шлюпки стали спускать в ледяное море в окружении айсбергов одну за другой. Но в каждой из них женщин и детей было меньше половины того количества, на которое они были рассчитаны. Ведь многие жены не хотели покидать своих мужей.

Из всех шлюпок, спущенных той ночью в море, впоследствии больше всего споров вызвала шлюпка № 1 с правого борта. Хотя все шлюпки остались не заполненными полностью, в этой, рассчитанной на сорок человек, оказалось всего двенадцать пассажиров.

Музыканты оркестра сначала играли в салоне первого класса, а потом перешли на шлюпочную палубу, прямо сразу возле парадной лестницы, и продолжили играть там. В том, что пассажиров удалось удержать от паники, огромная заслуга этих героических людей, подбадривавших всех своей жизнерадостной музыкой.

Под свежие ритмы с палубы продолжали регулярно пускать сигнальные ракеты, извещавшие о бедствии. А тем временем нос корабля медленно, но неудержимо продолжал уходить под воду.

Бродившие по корабельным коридорам пассажиры начали наконец понимать, что «Титаник» обречен. Корабль был настолько роскошен, что до последнего момента людям казалось, будто они находятся на твердой земле.

Постепенно шлюпочная палуба наполнилась людскими возгласами, криками женщин и детей. Многие женщины не хотели расставаться с мужьями.

Джек Вудбелл и археолог Уолтер Уайт пытались посадить своих жен в шлюпки. Они уже сняли вечерние наряды и надели спасательные пояса поверх свитеров.

– Только женщины, только женщины и дети! – не уста-

вал повторять распорядитель. – Пожалуйста, поторопитесь! Только женщины и дети!

– Я не могу тебя оставить! – кричала Нэнси, обняв мужа.

– Я мужчина, – сказал ей Вудбелл. – Как-нибудь все сложится. У меня много сил.

– Такой ледяной океан!

Вудбелл не знал, что на это ответить. Мысль об этом заставила его вздрогнуть, и не только от холода.

– Нужно, чтобы выжили хотя бы те, кто может выжить.

– Не говори так. Что же это за корабль такой!.. Прости меня, не надо было уговаривать тебя ехать.

– Перестань, – сказал Вудбелл.

Он смотрел, как Нэнси и жена археолога с помощью матросов садятся в шлюпку.

В этот момент Джейн Уайт вернулась из шлюпки на палубу.

– Ты что-то забыла, Джейн? – спросил Уолтер.

– Мадам, поторопитесь! – сказал ей матрос.

– Нет, я останусь, – отрезала она.

– Отправляйтесь!

В этот момент шлюпка приподнялась и отделилась от палубы.

– Я всегда гордилась твоей работой, – сказала жена археолога, – мы так долго были вместе; я и дальше пойду вслед за тобой.

Они сели на скамью на палубе и стали вместе смотреть

на море.

Палуба наклонялась все круче. В шлюпки стало садиться больше людей. И все же они заполнялись не до конца.

Как ни странно, не было видно ни одного человека, похожего на пассажира третьего класса; большинство – из первого, в крайнем случае из второго. Пассажиров третьего класса проигнорировали, и им было сложно даже выйти на шлюпочную палубу.

Началась посадка в следующую шлюпку. Подошел полковник Джон Джейкоб Астер в сопровождении молодой жены. Когда та села, он задал вопрос члену команды:

– Я тоже могу сесть?

– Извините, но, по распоряжению капитана, только женщины и дети, – вежливо ответил распорядитель.

Полковник кивнул и низким голосом попросил назвать ему номер шлюпки. Распорядитель ответил, и шлюпка отделилась от палубы. Полковник приподнял правую руку, и когда шлюпка скрылась в темноте, долго продолжал смотреть в ее сторону, а потом тихо пошел в сторону кормы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.